

Оскар Паў

Апприори добра и зла

Об авторе

Оскар Рай - современный писатель, книги которого не только увлекают своими сюжетами, но и помогают каждому вести свой внутренний поиск. Психологические романы, написанные в уникальном стиле для думающего читателя. Это не безликое чтение на один вечер, а книги, к которым возвращаешься и находишь новый смысл давно прочитанных фраз. Люди, познакомившиеся с его творчеством, никогда не остаются равнодушными, замечая, как поразительно эти книги повлияли на их судьбы.

Оскар Рай

Априори
добра и зла

Не правда, что все дети красивые! Нет, безусловно, каждый ребенок безумно красивый и умный, но для своих родителей. А если объективно подойти к этому вопросу, то выйдя на детскую площадку, где будут гулять дети, мы сразу можем определить, кто выделяется яркими внешними данными и заложенным от рождения обаянием, а кто откровенно безобразный в силу генетики или ряда других причин.

Это, конечно, если не заниматься самообманом и не выставлять напоказ свои самые “светлые” качества, руководствуясь тем, что дети — это цветы жизни, наше будущее и так далее. С этим никто не спорит, и более того, дети, действительно, самое Святое, что есть на зем-

ле, но в данном случае речь идет исключительно о внешних данных. Есть приблизительный эталон человеческой красоты, и на прекрасное не логично говорить, что это уродство, и наоборот.

Если взять в отдельности трехлетнюю девочку Нику и описать ее внешность, то, в первую очередь, будет правильным не расплыться на подбор слов и просто отметить тот факт, что она была по-настоящему красивой. Ее красота была природной. Правильные черты лица, большие бездонные глаза цвета морской воны, золотистые, слегка вьющиеся, волосы и пухленькие губки, свойственной детям формы бантика. Все это неопишущим образом дополнялось каким-то неуловимым для человеческого глаза светом, который исходил от нее. Это был свет добра!

Родилась Ника, как преимущественное большинство людей, в роддоме. Никакой сенсации не произошло в связи с появлением на свет еще одного полноценного члена общества женского пола. В этот день еще две мамы отметились тем, что подарили цивилизации по мальчику.

Причем только в этом родильном отделении, а сколько всего родилось на планете Земля детей — один Бог знает. Ну и, приблизительную цифру — отделы статистики.

Конечно, это событие вызвало океан радости у родителей Ники. Девочка, вес — три с половиной килограмма, рост — пятьдесят один сантиметр. Две ручки, две ножки, в общем, все на месте. Полноценный здоровый ребенок.

Счастливый отец прыгал от радости, когда узнал, что у него родилась дочь. И тот факт, что роды прошли без осложнений, мама и ребенок в порядке, просто не оставил и следа в памяти о том, что он хотел сына.

Ника была желанным, долгожданным и даже запланированным ребенком.

Бабушка рождению Ники радовалась не меньше. Именно с ее появлением на свет она и перешла в столь почетный статус.

Добрейшей души человек. Не смотря на проблему разных взглядов, которая существует между поколениями, Вера Григорьевна, “мама мамы своей внучки”, никогда не вмешивалась

в семейные отношения дочери. Не давала дурацких советов, не лезла с наставлениями. В общем, не была дотошной.

Но на ее лице нельзя было не заметить тревогу после того как любимый зять сказал ей, что родилась внучка.

— Девочка! Девчонка! Дочь у меня родилась! — зашелся в танце Андрей, — слышите ,мама, теперь Вы бабушка! Внучка!

— Внучка? — непроизвольно тихим, вопрошающим голосом произнесла теща, — Девочка, — полуобреченно добавила после буквально трехсекундного замешательства.

— Внучка, — удивился ее реакции новоиспеченный отец.

Она испытала смешанное чувство. Да, ее любимая дочь родила ребенка. Слава Богу, все благополучно. Но страх, который имел вполне обоснованную причину, не давал сполна насладиться радостью от события, которое является одним из самых значительных в жизни человека.

— Вот не знал, мама, что для Вас это так

важно, — с сарказмом сказал Андрей, видя растерянный бегаящий взгляд Веры Григорьевны.

— Что? — едва слышно переспросила возвращающаяся в реальность бабушка.

— Пол ребенка, — еще с большим задором продолжил счастливый папаша.

— А, да это я от радости..., от счастья. Конечно же, не важно! Внучка — это хорошо, — поспешила она оправдаться.

Она не лгала, что рада рождению Ники, но все же ей трудно было отогнать от себя досаждающие мысли. Страх и радость — поистине экстраординарное сочетание!

Такое чувство как радость в душе доброй и искренней женщины вполне объяснимо. Но страх?

Ее пугала ответственность, которая ложилась ей на плечи с появлением еще одной женщины в их роду. И боялась она не того, что придется теперь сидеть с маленькой Никой, когда это будет необходимо или чтобы просто дать отдохнуть молодым родителям. Ей предстояло приступить к выполнению своих обязанностей,

которые выходили далеко за рамки типичной помощи в воспитании ребенка.

Миссия ее заключалась в том, чтоб научить Нику управлять полученным с рождения даром, который передавался через поколение, от бабушки внучке. Даром этим была сила. Сила неземного происхождения, с помощью которой она могла как исцелять, так и уничтожать.

В свою очередь, Вера Григорьевна тоже была наделена этой аномалией. Она прекрасно помнила, как ее бабуля прикладывала немалые усилия, стараясь привить ей только светлые качества, сознавая, что пробел в духовном развитии с превеликим удовольствием заполнит изощренное зло.

А в руках темных сил человек, обладающий небывалой мощью, превращается в злое орудие, которым легко управлять, играя на при-
сущих каждому пороках.

Ее бабушка была достаточно мудрой и сильной. Она знала, что противопоставить обольщающему злу и боролась за каждый миллиметр в душе своей внучки, насаждая в ней бескорыс-

тность, искренность и любовь.

“Многие считают, что легче жить злым и циничным, будто это помогает проще относиться к несправедливости, которая переполняет Мир. Говорят, что добро не имеет смысла, так как дело не благодарное. Но я уверена в обратном и знаю, что те, у кого в сердце любовь и сострадание, видят гораздо больше прекрасного нежели скверного. Добро всегда порождает добро, если в это искренне верить”, — такими были слова ее рассудительной наставницы относительно дискуссий на тему извечного противостояния добра и зла.

Вера Григорьевна считала, что ее бабушка успешно справилась со своей задачей, не дав ей пойти на поводу у соблазнов и хоть раз применить свою силу со злым умыслом. Это был результат постоянных разговоров, которые носили ненавязчивый характер, дабы не превратиться в нравоучения, и меняли свой ракурс вместе с тем, как менялся ее возраст. Поначалу это было в виде игры, в которой она, конечно же, была доброй феей. Затем приняло форму

тайны, которую нельзя было раскрывать даже родителям. Позже, когда она стала подростком и осознала всю серьезность своего дара, уже сама приходила к бабушке, которая твердо закрепила за собой статус лучшей подруги, с различными проблемами и вопросами. Та, в свою очередь, обладала настоящим талантом и могла дать фору любому психологу. Она всегда оставляла возможность ей самой выбирать, как следует поступить, высказывая лишь свое мнение, которое в итоге играло ключевую роль в принятии решения.

И вот теперь Вера Григорьевна должна была сделать тоже самое. Стать лучшим другом для Ники, и всегда быть в курсе того, что происходит у нее в душе. Неустанно следить за тем, чтобы она, не дай Бог, не почувствовала себя одинокой или не понятой, как часто случается с детьми и подростками, когда их родители слишком увлечены решениями будничных проблем.

Она боялась! Боялась, что не справится со всем этим!

Порой она мечтала о том, что дядя уже

не одну тысячу лет эстафета закончится на ней и ее внучка родится обычным ребенком. Или, что вместо внучки у нее будет внук, что само по себе на корню меняло бы дело. Но тот факт, что вот уже не одну тысячу лет этот дар передается с неуклонной стабильностью и в их роду всегда хоть одна девочка, да есть, растворял ее мечты, оставляя лишь толику надежды, которая как известно, умирает последней.

И вот она берет на руки маленькую Нику. Видит, как от нее исходит этот свет, указывающий на то, что волшебная сила не миновала это прекрасное создание, и надежда покорно исчезает.

— Правда, она прелесть? — с придыханием говорил Андрей

— Она просто чудо! — плакала от счастья Вера Григорьевна.

Вместе с надеждой умер и страх перед ответственностью, терзающий ее до того момента как она увидела свою внучку, которой в силу данных особенностей, так необходима ее поддержка. Она, что называется, взяла себя в руки,

целиком и полностью настроившись на то, к чему так долго готовилась.

В один из солнечных июльских дней Нике исполнялось пять лет. Отпраздновать это событие было решено в загородном доме, в котором жила Вера Григорьевна. Андрей еще утром привез именинницу к бабушке, а сам вернулся в город, чтобы купить подарки и забрать свою жену Марину, которая пораньше отпросилась с работы.

Бабушка, как всегда, готовила всевозможные вкусности к вечернему застолью. А Ника, впрочем, тоже как обычно, зудела у нее над ухом, проявляя нетерпеливость.

— Бабушка, когда уже мама с папой приедут?

— Скоро, моя хорошая, скоро.

— Ты уже час назад говорила, что скоро, а их все нет и нет!

— А ты пойдй на улице погуляй, вон какая хорошая погода. Поиграй во что-нибудь, время быстрей пройдет.

— Эх, бабушка, ты так говоришь, будто если я буду играть, то в минуте не шестьдесят, а тридцать секунд станет.

— Ну, или помоги мне готовить. Огурцы помой, салат будем делать.

— Нет, лучше я пойду погуляю. Заодно родителей встречу.

Ника вышла на улицу. На какое-то время задержалась на крыльце и огляделась по сторонам. Она увидела, как соседка что-то делает на своем участке и пошла к ней.

— Здравствуйте, тетя Лена! — поприветствовала она соседку.

— Здравствуй, Ника!

— А что Вы делаете?

— Кусты подрезаю, чтобы они были красивые и аккуратные, — ответила женщина.

— То есть Вы их окультуриваете?!

— Да, можно и так сказать, — улыбнулась она, — ты такая сообразительная.

— Но ведь мне уже пять лет, как ни как.

— Ну тогда, конечно! Ты уже совсем взрослая!

— Да! У меня сегодня день рождение.

— Да?! Поздравляю тебя! Расти большой, здоровой и красивой!

— Спасибо!

— Подожди здесь, у меня есть для тебя подарок, — сказала соседка и отправилась в дом.

Дожидаясь ее, Ника увидела, как из кустов выскочил маленький черный котенок. Жалобно мяукая, он пробирался к ней через высокую траву.

— Какой ты хорошенький, — взяла она его на руки, — А где твоя мама? Ты что, потерялся?!

Имея доброе сердце, Ника решила, что этому пушистому комочку непременно нужна ее забота.

— Сейчас придет тетя Лена, и мы у нее спросим, может, она знает, где твои родители, — успокаивала она бедняжку, — таким малень-

ким нельзя быть без мамы. Вот моя мама скоро придет.

Не успела она договорить, как из-за поворота показалась машина, в которой ехали ее родители.

— А вот и они, — радостно произнесла Ника, — сейчас я тебя с ними познакомлю.

Автомобиль приближался к дому, постепенно сбавляя скорость. Ника побежала на встречу, прижимая к груди своего нового друга.

Когда до машины оставались считанные метры, котенок неожиданно выпрыгнул из рук и стремительно помчался в сторону дороги. Выбежав на проезжую часть, он будто специально бросился под колеса автомобиля. Андрей, который был за рулем, даже не заметил, как крохотное создание скрылось под капотом его джипа.

Ника, с ужасом наблюдавшая за происходящим, впервые в жизни испытала столь сильные эмоции, которые затмили ее сознание. Она зажмурила глаза, сжала свои кулачки с такой силой, что ногти до крови впились в ее ладони. Все тело съежилось в напряжении, вызывая

дрожь в каждой клетке.

Бабушка, нарезавшая овощи для салата, выронила нож из рук, когда в ее душу ворвалось жуткое ощущение того, что случилось что-то страшное. И буквально через мгновение она услышала взрыв, который прозвучал где-то на улице, рядом с домом.

Она выбежала во двор. От увиденного у нее сдавило сердце. Ноги подкосились, и она еле устояла, чтобы не упасть.

Машина, в которой находились Марина и Андрей, впилась в дерево прямо напротив дома через дорогу. Искореженный автомобиль был полностью объят пламенем, что не оставляло шансов на то, что хоть кто-то мог выжить после такой аварии.

Ника сидела на траве, поджав колени и закрыв ладонями лицо. Она дрожала так, будто ей было очень холодно. Покачиваясь взад-вперед, она тихо шептала: “Мама, мама. Таким маленьким нельзя быть без мамы...”

Бабушка подбежала к своей внучке, которая находилась в состоянии шока. Подняла ее на

руки и поспешила унести в дом, чтобы та больше не видела эту душераздирающую картину.

Вышедшие из соседних домов люди начали стягиваться к эпицентру события. Кто-то успел позвонить в милицию, и уже был слышен звук сирены.

— Как же это он так? С какой скоростью он ехал? Несчастье-то какое, — обсуждали окружившие догоравший Мерседес зеваки.

Расступитесь, дайте пройти, — пробирались сквозь собравшуюся толпу, прибывшие милиционеры, — граждане, отойдите подальше. Сейчас приедут пожарные и скорая помощь, не загораживайте подъезд к месту аварии.

Люди попятились назад, освободив путь спецтранспорту.

Сотрудники МЧС не заставили себя долго ждать. Оперативно развернув свою деятельность, они потушили пламя и извлекли обгоревшие тела из машины.

С интервалом не больше, чем две минуты, приехала и карета скорой помощи. Осмотрев трупы, седой врач попросил накрыть тела Марины и Андрея простынями, а сам принялся

констатировать их смерть на бумаге.

Эксперты, исследовавшие технические моменты происшествия, были сильно озадачены деталями, которые никак не поддавались объяснению.

— Ты когда-нибудь видел что-то подобное?
— в изумлении спросил один из криминалистов своего коллегу.

— Нет, за одиннадцать лет работы с чудесами я сталкиваюсь впервые, — ответил тот, в очередной раз проследив траекторию, по которой Мерседес родителей Ники слетел с дороги, — бред какой-то!

— Ну, что скажете, господа криминалисты, как этот шумахер умудрился на ровном месте дерево поцеловать? — подошел к ним беззаботный капитан, который в этот день был дежурным ГУВД, — куда это он так спешил?

— Да здесь такое дело, Олег Максимович, что спешки как раз никакой не было. Ехал он со скоростью не больше, чем пять километров в час. По всей видимости, он парковался, — ответили капитану

— Так, что-то я не врубился, какие пять километров?! — напрягся тот, — может, я, конечно, меньше вашего в таких вещах понимаю, но, слава Богу, не одну аварию повидал. У него же двигатель в салоне очутился. Вон мужики при мне тела из этой груды металла вырезали, — указал он на пожарных.

— Вот и мы в недоумении. Судя по следам от шин на асфальте, он не тормозил и не газовал, — принялся пояснять молодой эксперт, — такое ощущение, что какие-то неведомые силы его с места сорвали и прямо в дерево бросили. И тут ты прав, Максимыч, судя по тому, что сотворилось с автомобилем, пролетел он эти двадцать метров до дерева, с солидным ускорением.

На минуту все замолчали.

— Чертовщина какая-то! — развел руками капитан, — нет, ну это должно иметь какое-то логическое объяснение.

— Мы-то свое дело сделали. Осталось только подумать, как эту мистику в протокол занести, — открестились от лишней головной боли криминалисты, — теперь пусть твои бойцы народ

поспрашивают. Может кто, что видел.

— Товарищ капитан, мы выяснили, чья это машина, — вовремя подбежал сержант из дежурившей опергруппы, — там соседка сказала, что это дочь с зятем в гости к матери приехали. Она в этом вот доме живет, — кивнул он на дом Веры Григорьевны.

— Ну вот, мы же говорили. Он парковался, — вставил свое слово криминалист.

— Еще она рассказала про девочку, которая могла видеть аварию. Она, вроде как, дочка пострадавших, — добавил сержант.

— Вроде как! — перекривил капитан своего подчиненного, — где эта соседка? Я сам с ней поговорю.

Сержант проводил уже озабоченного ситуацией капитана к той самой тете Лене, которая так и не успела подарить Нике подарок. Все произошло настолько быстро, что она только смогла добраться до своих безделушек, из которых собиралась выбрать презент для именинницы. Но когда раздался взрыв практически у ее дома, она тут же забыла о том, зачем пришла. А

когда подбежала к окну, чтобы посмотреть где и что взорвалось, увидела как ее соседка Вера Григорьевна, чуть ли не бегом, уносит Нику в дом.

— Здравствуйте! Капитан Черненко, — от-рекомендовался Олег Максимович, — я хотел бы с Вами побеседовать на счет того, что случилось. Мне сказали, Вы видели как это про-изошло.

— Нет, саму аварию я не видела. Но, пони-маете, я была на улице перед этим. Я букваль-но минутой раньше разговаривала с их дочкой, с Никой, — дрожащим голосом проговорила Елена, а потом сорвалась на плач, — простите. Просто, я думаю, она все видела. На ее глазах родители... Бедный ребенок, — слезы снова задушили женщину, и она не могла продолжать говорить.

— Я понимаю, это, действительно, большое несчастье, тем более для ребенка, — сказал ка-питан, — Кстати, сколько лет девочке?

— Пять. Сегодня пять лет исполнилось, —

произнесла сквозь слезы женщина.

— Да, это тяжело. Но пожалуйста, нам необходимо составить точную картину произошедшего. Расскажите все, что видели или слышали. Давайте пройдем в машину, — предложил капитан, — я должен записать ваши показания.

— А может, ко мне в дом? Я вот здесь живу. Там все же удобней. Да и мне будет легче. Эта обстановка..., — успокоилась немного соседка.

— Да, конечно, — согласился капитан, — сержант, принеси мою папку из машины, — окликнул он милиционера.

Тот быстро выполнил распоряжение.

— А теперь давай, Маслов, сходи в дом к матери пострадавших, — продолжил капитан раздавать указания, — Там походу ребенок психическую травму получил. Сообщи об этом медикам.

Сержант отправился исполнять приказ, а Олег Максимович и Елена прошли к ней в дом. Капитан расположился за столом на кухне, куда указала хозяйка. Достал из папки белый лист бумаги, щелкнул автоматической ручкой и

положил их перед собой.

— Будете чай? — предложила Елена.

— Да, не откажусь.

— Вам черный? Зеленый?

— Черный, пожалуйста.

Олег Максимович не стал торопиться с вопросами, подождал, пока женщина заварит чай, и присядет за стол. К тому времени она уже успокоилась и могла говорить более связанно, и без всхлипываний.

— Давайте с самого начала. Где Вы были до и в момент аварии? — приступил к расспросам капитан.

Елена собралась с мыслями, перевела дух и, после глубокого вздоха, начала:

— Значит, я была во дворе перед своим домом. Я подрезала кусты как ко мне подошла Ника.

— Ника — это дочь пострадавших в аварии? — уточнил капитан.

— Да. Она здесь у своей бабушки, Веры Григорьевны. Это Маринина мама.

— Вы знаете их фамилию, имена, отчества?

— Он — Серов Андрей. Отчества не помню.
Она — Серова Марина Александровна.

Капитан записал данные в протокол.

— Они часто приезжают к бабушке в гости?
Точней приезжали? — немного смутился милиционер.

— Да, достаточно часто. Если не каждые выходные, то, как минимум, два раза в месяц. Но Ника здесь проводит очень много времени. Вера Григорьевна обычно сама за ней ездит в город.

— Вы дружны со своей соседкой, Верой Григорьевной?

— Мы хорошие соседи. Нельзя сказать, что мы лучше подруги. Мы из разных поколений. Я ведь ровесница ее дочери. Подумать только, она была моего возраста, — снова поддалась эмоциям и, прикрыв рукой губы, заплакала Елена.

Олег Максимович не порывался успокаивать женщину. Он давно уже привык к таким ситуациям, и, признаться, в данном случае речь шла о простой человеческой жалости к чужому горю.

А ему не один раз приходилось общаться с людьми, в жизни которых происходили несчастья. Вот и сейчас Вера Григорьевна и маленькая Ника были теми, у кого это горе произошло. Только смотреть на то, как они страдают, в этот раз он отправил сержанта, который, впрочем, тоже не сильно-то мнительный.

— Перед аварией к Вам подошла эта девочка, Ника. Что было потом? — не давал увлекаться сантиментами капитан.

— Да. Она спросила, чем я занимаюсь. Я ответила, что подрезаю кусты, — вдалась в подробности Елена.

Капитана мало интересовал дословный диалог женщины с пятилетним ребенком, но перебивать он не стал, дабы не сбивать ее с мысли.

— Потом выяснилось, что у нее сегодня день рождение, и я решила подарить ей что-нибудь. Так просто, порадовать девчонку, — продолжила соседка, — я пошла в дом, достала шкатулку со всякой бижутерией, и опомниться не успела, как раздался громкий взрыв. Я побежала к окну, чтобы посмотреть...

— Погодите. Вы сказали, что слышали взрыв. А перед этим свиста колес от резкого торможения или звука самого удара машины о дерево слышно не было? — заострил внимание на важном в данной ситуации моменте Олег Максимович.

— Знаете, нет, — удивилась и сама женщина.

— То есть, Ваше внимание сразу привлек сам взрыв?

— Пожалуй, слова “привлек внимание” не совсем те. Я ужасно испугалась! Это произошло буквально у меня под окнами, — возбужденно сказала Елена.

— Хорошо, что было дальше?

— Когда я выглянула в окно, то заметила, как Вера Григорьевна с Никой на руках быстро заходит в дом. Тут же я увидела горящую машину. А после, когда вышла на улицу, поняла что это Мерседес Андрея.

— Где оставалась девочка в тот момент как Вы были в доме?

— Когда я уходила, она ждала меня возле

двора. Так что, я думаю, она все видела, — с горечью выдохнула тетя Лена.

— До приезда милиции Вы все время находились на улице?

— Да.

— Вера Григорьевна из дома больше не выходила?

— Нет. По крайней мере, я не заметила. Думаю, она не могла оставить бедную девочку одну в таком состоянии, — сделала умозаключение жалостливая соседка.

— Скажите, а перед тем как пойти в дом, ничего не обычного Вы не заметили?

— Нет. У нас тихий спокойный район. И, по моему, перед аварией кроме нас с Никой вообще никого на улице не было.

— Может быть, какая-то не знакомая машина где-нибудь подозрительно была припаркована? — допытывался капитан.

— Нет, — тихо ответила Елена.

Олег Максимович был откровенно разочарован тем, что беседа с соседкой ни на йоту не прояснила ситуацию. Ничего существенно важ-

ного она не рассказала. Наверняка остальные соседи поведают то же самое — были в доме, и вдруг слышали взрыв. С тем только исключением, что перед происшествием они не разговаривали с Никой, которая в одно мгновение лишилась обоих родителей. Но, тем не менее, капитан был тактичен и не выдал своего недовольства.

— Что ж, спасибо, Вы очень нам помогли, — сказал он дежурную фразу, и попрощавшись, покинул дом Елены.

Улица значительно
опустела. Народ,

глазевший на то, как работают государственные службы, удовлетворив свое любопытство, разошелся по домам. Пожарные, сделав свое дело, давно уехали. Медработники погрузили в свою машину мертвые тела и повезли их в морг. Остались только милиционеры, которые после того как выяснили, что никто ничего не видел, просто скучали возле “бобика” в ожидании своего начальника.

— Ну что, опросили местный люд? — обратился к коллегам Олег Максимович.

— Так точно, товарищ капитан, — ответили милиционеры.

— И что удалось выяснить?

— То, что никто из них не видел как случилась авария, — отчитался высокий лейтенант, — все вышли на улицу после взрыва. Точней, из-за него и повывегали из домов.

— Понятно, — протянул капитан, — Маслов, что там с семьей погибших? Как ребенок? Что сказали врачи, в каком она состоянии?

— Ничего не сказали. Они ее даже не видели, — ответил сержант.

— Что значит, не видели? Маслов, я тебе, что сказал сделать?!

— Как Вы мне и приказали, я позвал врачей из неотложки, и мы пошли в дом, на который показала соседка. Но пожилая женщина, которая открыла нам дверь, сказала, что сейчас не будет ни с кем разговаривать, — растерянно оправдывался сержант Маслов, — медики попросили осмотреть девочку, чтобы, если что, оказать квалифицированную помощь, но бабушка сообщила, что внучка на улице сегодня не выходила и, соответственно, еще не знает о гибели родителей. Поэтому ни в каком осмотре и, тем более помощи, не нуждается.

— Не выходила на улицу?! Так соседка ж сказала..., — совсем запутался капитан, — Ну и кто из них врет? И главное, зачем, — добавил он после трех секундной паузы.

— Я не знаю. Но бабуля с нами разговаривать не стала, — пожал плечами сержант, — Хотя, с другой стороны, ее можно понять. Родную дочь все-таки потеряла.

Капитан на какое-то время задумался.

— Ладно, поехали в отделение, — скомандовал Олег Максимович, забираясь в милицейский уазик.

Заревел мотор, и машина тронулась с места.

На обочине остался сидеть тот самый черный котенок, на которого в суматохи никто даже не обратил внимание. Он проводил взглядом отъезжающий автомобиль, и после этого сам скрылся за деревьями.

О какой квалифицированной помощи шла речь? Что могли предложить хладнокровные эскулапы? Ввести бедному ребенку дозу успокоительного и посоветовать обратиться к детскому психологу. Нет, в таком содействии Вера Григорьевна видела только вред для своей внучки. Она ни за что в жизни не подпустила бы к Нике чужих людей, которые лезли бы к ней в душу, следуя конспектам из мединститутов.

Она предпочла солгать о том, что Ника не видела эту страшную аварию, дабы “всезнающие” врачи не начали проявлять инициативу, навязывая свою профессиональную помощь.

Никто не знал Нику лучше, чем ее бабуш-

ка, и лишь она могла хоть как-то облегчить страдания маленькой девочки, которая переживала смерть обоих родителей. Более того, только Вере Григорьевне была известна истинная причина, по которой произошла эта трагедия, и ей было необходимо скрыть ее от Ники.

Не смотря на то, что душа любящей матери рвалась на части и боль от потери родных людей стремилась овладеть ее разумом, Вера Григорьевна держала себя в руках, осознавая насколько она нужна сейчас Нике. Время лучший доктор, и она понимала это лучше, чем кто-либо другой. Но, для того чтобы эффект от его лечения наступил как можно быстрее и период до первых признаков улучшения был не таким фатальным, надо было устранить любые напоминания о случившемся.

На следующий же день, взяв с собой все

имеющиеся в доме деньги и ценности, а также только необходимые вещи, бабушка вместе с внучкой уехала в чужой город, где до этого никогда не была Ника, да и она сама. Поселившись в гостинице, Вера Григорьевна позвонила отцу Андрея:

— Миша, здравствуй, — дождалась она ответа с той стороны.

— Вера! Как вы там, как Ника?! — тревожно спросил сват, — мы только приземлились. Сейчас выезжаем из города, скоро будем у вас.

— Миша, послушай меня и, пожалуйста, не перебивай. Мы с Никой уехали, — с волнением в голосе начала говорить Вера Григорьевна, — наши дети в городском морге. Все вопросы относительно похорон возьмите на себя. Ключ от дома в почтовом ящике.

— Что ты такое говоришь?! Куда вы уехали? Я ничего не понимаю! — растерялся Михаил Юрьевич.

— Пожалуйста, дослушай. Нике нельзя там оставаться. Сейчас нужно, чтобы она как можно меньше думала о том, что случилось. А там,

где она жила раньше, все будет напоминать ей о родителях. В мой дом мы больше не вернемся, поэтому мне понадобится твоя помощь. Я на днях вышлю тебе доверенность на продажу недвижимости, прошу тебя, займись этим после похорон.

Михаил Юрьевич был ошарашен таким поступком Веры Григорьевны. Днем раньше она позвонила ему на мобильный телефон и сама лично сообщила о несчастье, которое случилось с их детьми. При этом она ни словом не обмолвилась о том, что собирается предпринять подобные, откровенно шокирующие, действия.

Любящий отец тяжело переживал потерю родного сына, но будучи настоящим мужчиной, Михаил Юрьевич проявлял максимальную сдержанность. Расценив поведение Веры Григорьевны как истерику, он взялся уговаривать ее:

— Вера, я тебя понимаю. Нам всем сейчас очень тяжело. Но такие решения нельзя принимать на фоне эмоций. Это и наша внучка! Мы не имеем права лишать ее возможности попро-

щаться со своими родителями! Вы где сейчас?!

— Миша, ты меня не слушаешь! Я делаю это ради Ники. Поверь мне, не стоит из-за людских предрассудков подвергать ее таким испытаниям. Пройдет время, и она сама решит, когда будет готова приехать и почтить их память.

Конечно, Вера Григорьевна понимала, что ей не удастся переубедить взрослого человека, у которого уже давно сложились свои убеждения на счет жизни, тем более сделать это в ходе одного телефонного разговора. Но она к этому и не стремилась. Все что она хотела сделать — это поставить в известность своих более “приземленных” сватов о том, что берет на себя ответственность за душевное состояние Ники. И так как она ни на минуту не могла оставить свою внучку одну, ей требовалась помощь в вопросах сугубо организационного характера, которые имели отношение к прошлой жизни. А с ней Вера Григорьевна была вынуждена попроситься ради того, чтобы Ника могла легче пережить участь, которую не пожелаешь даже самому злейшему врагу, не говоря уже о пяти-

летнем ребенке.

В итоге Михаил Юрьевич согласился хотя бы с тем, что действительно нет такой жизненной необходимости тащить бедняжку Нику на процессию, где бы ей пришлось лицезреть, как в закрытых гробах зарывают в землю ее родителей, без которых еще вчера она не представляла своего существования. Ему пришлось выслушать причитания своей жены, которая просто недоумевала, как так можно поступать, когда речь идет о родной дочери. Но сути дела это не меняло.

Одному Богу известно, какие не человеческие усилия делала над собой Вера Григорьевна. Ей было безумно тяжело, и порой она боялась, что не выдержит такого морального груза, который уже давно растерзал бы психику любого другого человека. Безусловно, она хотела быть со своей дочерью до последней секунды. Она была готова вцепиться руками в гроб и позволить, чтобы ее погребли заживо вместе с дочерью. Ей хотелось орать, выть, рвать на себе волосы, но допустить это, означало поставить под

удар еще одного любимого человека, который не справился бы со стрессом без ее помощи.

Все свои мысли и действия сильная женщина направила на то, чтобы ее внучка не замкнулась в себе и не стала копить в своем сердце ненависть к жизни, которая в данном случае обошлась так жестоко с невинным ребенком. Теперь Вере Григорьевне предстояло прикладывать в десятки раз больше усилий, чтобы вернуть Нике доверие к этому Миру.

“**Е**сли густые серые тучи скрывают солнце, это еще не означает, что его нет вовсе. Не следует впадать в крайности из-за того, что стоило бы принять как данность. Ненастные дни переживать легче, когда душа наполнена светом, который напомнит о том, что темная ночь в итоге обязательно сменится ясным днем”. Впитывая подобную мудрость от своей заботливой бабушки, Ника выросла добрым и рассудительным человеком.

В жизни ей, как и миллиардам других людей, приходилось сталкиваться с самыми различными трудностями, но, не смотря ни на что, Нике хватало сознательности, чтобы не обращаться к своей силе для решения той или иной проблемы.

Она никогда не опускалась до того уровня, где эго могло бы взять верх над здравым смыслом и побудить к тому, чтобы воспользоваться своим превосходством. Правда, однажды в четырнадцать лет, когда понравившейся ей парень неожиданно для ее самолюбия заинтересовался другой, Ника хотела подыграть себе тем, что наслать на соперницу безобразную сыпь. Но обсудив такое намерение с бабушкой, прониклась пониманием того, что это низко, подло и совсем не соответствует ее искренней и отзывчивой сущности.

Научившись управлять своим даром, уже взрослая девушка использовала его исключительно в тех случаях, когда кому-то требовалась помощь, и без этого действительно нельзя было обойтись.

Вера Григорьевна гордилась своей внучкой и была уверена в том, что Ника никогда не поставит свои желания выше благополучия другого человека. Что означало бы — встать на путь обогащения за счет своих мистических способностей.

Но все же, она никак не могла себе простить того, что не успела подготовить пятилетнюю волшебницу к внезапному проявлению неистовой силы, которая обернулась страшной трагедией для их семьи. Не было такого дня, когда б она не казнила себя за это фатальное упущение.

Когда Ника выросла, то стала задумываться о том, что могла быть виновной в гибели своих родителей. Как-то раз она пришла к бабушке с просьбой рассказать, как случилась авария. Но Вера Григорьевна не могла допустить, чтобы Ника узнала правду и до конца своей жизни отягощала себя изнуряющим душу чувством вины, что собственно происходило с ней самой.

— Причиной смерти твоих родителей стала нелепая случайность, — начала свой заранее продуманный рассказ любящая бабушка, — машину твоего отца взорвали преступники, целью которых было убийство совершенно другого человека, но который ездил на точно таком же авто. Они заложили взрывное устройство с часовым механизмом, поэтому, даже обнаружив,

что ошиблись, они не могли отменить взрыв.

Вера Григорьевна понимала, что подобная история сильно походит на сценарий дешевого голливудского боевика, но подкрепив свои слова тем, что такие сведения им предоставила милиция, все же убедила, далеко не глупую Нику в том, что она никоим образом не причастна к случившемуся.

— Капитан, который вел это дело, сообщил, что в этот же день было совершено идентичное преступление, но на этот раз хозяином автомобиля, такой же марки, модели и цвета, был уголовный авторитет, на которого, как выяснилось, и велась охота, — продолжала бабушка, — позже исполнителей этих убийств поймали, и они сознались в своих преступлениях. По роковой случайности, это оказались дилетанты, которые допустили такую чудовищную ошибку перед тем, как довести свою работу до конца, — добавила она для того, чтобы не оставалось сомнений на тот счет, что так все и было.

Единственные, кто могли бы разрушить, выстроенную легенду, это дедушка и бабушка

Ники по линии отца, но об этом Вера Григорьевна тоже позаботилась. Она рассказала им ту же самую историю, что и Нике. Но в силу того, что им ничего подобного милиция не сообщала, расчетливая сваха добавила, будто информация эта засекречена, так как дело связано с преступными группировками, и не разглашают ее ради их же безопасности. Те, являясь большими поклонниками телесериалов, охотно в это поверили. Они ведь не однократно видели подобное в своих мыльных операх.

Люди из забытых деревень, какими они являлись, привыкли верить всему, что льется с экрана их еще лампового телевизора. Одни только вечерние новости чего стоят. После таких сказок на ночь они могли поверить во что угодно, не говоря уже про обычный сюжет из “Ментов”, “Каменской”, “Часа Волкова” или других сериалов, которыми забит до отказа телевизионный эфир.

В итоге им так и не довелось поговорить с Никой на тему аварии, и вынужденная интрига Веры Григорьевны осталась просто перестра-

ховкой. Да и вообще, общение Ники с родственниками с дальнего севера, ограничивалось взаимными поздравлениями на праздники в телефонном режиме. За все время после смерти ее родителей, они всего один раз приезжали навестить свою внучку, и то, когда она уже была студенткой.

Но, не смотря на это, Ника всегда относилась к ним с уважением и даже любовью. Для нее вообще это чувство было априори. Она всегда стремилась к тому, чтобы никого им не обделять.

В принципе, не смотря на их простоту и где-то даже недалекость, Михаил Юрьевич и Инна Сергеевна были честными и порядочными людьми. Сразу после того, как Ника осиротела и пребывала в тяжелом моральном состоянии, они по указке Веры Григорьевны продали ее дом и все полученные за него деньги переслали своей свахе. Также они потратили свое время и силы на то, чтобы решить вопрос по квартире, которая осталась Нике после смерти родителей. Поначалу, конечно, в силу менталитета и хро-

нического недоверия цивилизованному миру, Инна Сергеевна настаивала на том, чтобы квартира оставалась закрытой до совершеннолетия Ники. Но в ходе длительной дискуссии Вера Григорьевна все-таки смогла убедить ее продать имеющееся имущество, а вырученные деньги положить на счет в банке, также до совершеннолетия внучки, только к этому времени набегут неплохие проценты.

Тринадцать лет Инна Сергеевна не знала покоя, расстраиваясь каждый раз, когда по новостям говорили, что в банковской системе трудные времена, и некоторые банки распадаются, не пережив очередного кризиса.

— Зачем мы ее послушали?! Так бы у ребенка гарантированно была своя квартира. Выросла и сама бы решила, что с ней делать, — изводила она себя, — Переживай теперь, чтоб девчонка с голой задницей не осталась. Вон как банки лопаются. А что если этот? С кого потом спросишь? Сколько уже людей так обули?!

В итоге, оказалось, что все было сделано правильно. Более того, с годами, когда безра-

ботица захлестнула маленький городок, цены на недвижимость там сильно снизились. А так, этих денег, вместе с набравшими процентами, Нике в аккурат хватило, чтобы купить себе однокомнатную квартирку в Киеве, куда она уехала учиться и даже сделать в ней кое-какой ремонт.

Студенческие годы молодой красивой и к тому же умной девушки протекали, как полагаются, бурно и интересно. Ника была не из тех, кто придавал чрезмерное значение учебе. Она была способной, и многие предметы ей давались легко. Порой она месяцами не открывала конспекты, но при этом имела хорошие оценки и уважение со стороны преподавателей. Те же дисциплины, в которых ей было трудно разобратся или просто не вызывали интерес, оставались без внимания, и тот факт, что это сильно портило содержимое ее зачетки, никак не удручал жизнерадостную студентку.

Среди друзей Ника пользовалась авторитетом. То, как она могла поставить себя в любом

коллективе, заслуживало только восхищения. Ее отличительной чертой было то, что уважали ее не за дерзость или напускной фарс, как это часто бывает среди молодежи, а за умение найти подход к любому с кем ей ни приходилось общаться. Она была милой доброй и ласковой, но в тоже время это не вызывало раздражения, подобно тому, как могут бесить набожные миссионеры, пропагандирующие любовь и святость, а на самом деле вынашивая в душе ненависть ко всему миру.

Нет, этот обаятельный человек покорял своей искренностью, которая проявлялась в любом ее настроении. Не зависимо от того, будь это радость, которой она могла ненавязчиво поделиться, или же грусть, скрывать которую Ника никогда не пыталась за натянутой улыбкой. Она всегда была честной, и в первую очередь, перед самой собой.

Естественно, были и те, кто терпеть ее не мог, причем, по тем же самым причинам, из-за которых другие души в ней не чаяли. В основном это были представительницы женского пола.

За глаза завистливые соученицы называли ее “мисс добродетель”.

— Ходит тут вся такая добренькая, со своей лучезарной улыбочкой. Всем она хочет понравиться, — кривила лицо одна из невольно обиженных девушек.

— Ой, да видели мы таких, строит из себя непонятно что, — высказывалась другая.

— Больно уж высокого о себе мнения, — поддакивали остальные из “доброжелательниц”.

Но Ника к доходившим до нее сплетням такого рода относилась спокойно. Она особо не проникалась тем, что люди, оказавшись в плену у низменных качеств, пытаются оправдать свои пороки тем, что выискивают недостатки у других. Конечно, как и любому человеку, ей было неприятно слышать подобное, но так как она никого из себя не “строила”, а всегда была такой какая есть, то и не видела смысла никому ничего доказывать.

Ее друзья не переставали удивляться тому, как беспристрастно Ника смотрит на те вещи, которые, по их мнению, просто не могут не вы-

зывать возмущения.

Например, преподаватель английского языка, незамужняя женщина, ненавидела Нику и даже не скрывала своего предвзятого к ней отношения. Сорокалетняя Жана Борисовна, которая была некрасивой от природы, видела в своей студентке тех самых подруг детства, которые на порядок превосходили ее по внешним данным и вызывали в ней злость на несправедливую жизнь. Когда она наблюдала за тем, как вокруг Ники вьются парни, с каким вожделем они на нее смотрят, в душе неудовлетворенной женщины просыпалась давно забытая обида, и она никогда не упускала возможность, используя свое положение, хоть как-то на ней отыграться.

Так, почти на каждом семинаре она вызывала Нику, которая признаться была не так сильна в иностранных языках, и, давая ей устное задание, ехидно комментировала допущенные ошибки, перебивая ее не всегда правильное произношение.

— Как ты можешь оставаться такой спокой-

ной, когда эта гримза откровенно к тебе придирается? — изумлялась лучшая подруга Ники, — я на твоём месте уже давно послала бы её куда подальше! Зачем ты её терпишь?!

— Если я пресеку эти жалкие нападки, то лишу Жану Борисовну чуть ли не единственной радости в жизни. Так ей хоть как-то удастся потешить свое самолюбие. А поставь я её на место — как она будет глушить свою боль от одиночества и не сложившейся жизни? Она несчастный человек, и мне её ужасно жаль.

— То есть, ты позволяешь себя унижать только потому, что тебе её жалко?!

— Ну, во-первых, я не считаю себя униженной! А во-вторых, ко всему надо относиться с юмором. Если я буду принимать все так близко к сердцу, то в итоге это приобретет степень важности и начнет отравлять мою жизнь. Просто, я не придаю этому большого значения. И вообще, что плохого в том, если я действительно испытываю жалость к бедной, озлобленной на весь мир, женщине. Мне приятно, что я могу ей помочь, пускай даже таким образом, — по-доб-

рому улыбалась Ника.

— Мы с тобой знакомы уже столько времени, но меня не перестает поражать твой философский подход к жизни, — с нотой недопонимания отвечала на это Ольга.

Что же касалось тех самых мужчин, вниманием которых Ника никогда не была обделена, то в общении с ними она чувствовала себя комфортно и не принужденно. Ей не приходилось прикладывать дополнительных усилий для того, чтобы произвести впечатление на того или иного парня. Она, конечно, одевалась стильно, по моде и пользовалась дорогой косметикой, но делала это потому, что была стильной и модной, а не с целью придать себе еще больше блеска. Об этом с полной ответственностью позаботилась природа, за что Ника была ей безмерно благодарна.

Как и любой женщине, ей нравилось ощущать на себе многочисленные взгляды мужчин,

в глазах которых читались предсказуемые мысли. И в отличие от некоторых своих подруг она не делала вид, будто ее это раздражает.

Как-то после занятий Ника и еще две ее приятельницы пошли в бар, находившийся недалеко от института. В силу его месторасположения там собиралась в основном молодежь. Между собой его так и называли “Студенческий”.

Усевшись за свободный столик, девушки беглым взглядом обвели присутствующих в баре. Так как было около часа дня, людей там было не много, и сидящие за стойкой двое парней сразу привлекли их внимание.

Молодые люди как по команде, повернули головы к входу, когда зазвенели китайские колокольчики, висящие над дверью. Мгновенно оценив по всем параметрам вошедших девчонок, они стали в открытую на них таращиться.

— Ой, ну что за люди такие?! Сидят и пялятся на нас, как бараны! Кофе спокойно выпить уже нельзя, — начала возмущаться одна из подруг Ники, бросая короткие недовольные взгляды в сторону парней.

Ника терпеть не могла лицемерия и, зная насколько льстит любой женщине, не зависимо от возраста и внешности, каждый такой знак внимания, тут же одернула ее.

— Да ладно тебе кривляться! Пей свой кофе, что они тебе не дают, что ли?! — не слишком грубо, но твердым голосом сказала Ника, — к тому же, симпатичные парни, — добавила она с улыбкой, чтобы смягчить обстановку.

— Мы пришли сюда спокойно посидеть, пообщаться, а они уставились на нас своими голодными глазами, — оправдывала та свои натянутые претензии, — Нет, ну посмотри! Мне лично не нравится чувствовать себя объектом сексуальных желаний этих извращенцев!

Ника сидела спиной к ребятам и, чтобы увидеть их, ей пришлось обернуться назад. Она нежным взглядом посмотрела на них и, увидев как те от этого еще больше приободрились, улыбнулась им и игриво подмигнула.

— Сексуальным объектом говоришь, — вернулась она к дискуссии, — а не для этого ли ты мини-юбку надела и чулки с крупной сеткой. А

красишься по утрам тоже для себя, так, просто, чтобы не скучно было? И кто тебе сказал, что они извращенцы? С виду, абсолютно нормальные ребята, — с откровенным сарказмом, но дружелюбно сказала Ника.

Собеседница немного смутилась, задумавшись о том, насколько в точку попала ее оппонентка. Но, не желая признавать свою неправоту, решила хоть как-то реабилитироваться.

— Тут ты конечно права, мы хотим нравиться мужчинам. Но вот так вызывающе нагло рассматривать, я думаю, это неуважение по отношению к нам.

Естественно, Нике было, что на это ответить, но она не стала дожимать свою подругу, указывая на то, что та попросту набивает себе цену и в очередной раз хочет подчеркнуть свою привлекательность. Только подумала, насколько часто люди говорят то, что совершенно не соответствует их собственным убеждениям.

Она прекрасно знала темперамент этой, вроде как разозлившейся на чрезмерное внимание со стороны парней, девицы. Ей вспомнилась

история, когда после очередной вечеринки, которые Ника иногда устраивала в своей квартире, эта же “не извращенка” выпив лишнего, начала приставать ни к кому-нибудь, а к ней лично. Ника относилась нормально к любым сексуальным предпочтениям людей и никогда не критиковала за их всевозможные увлечения. Но за собой лесбийских наклонностей не замечала и поэтому, сведя все на шутку, аккуратно уклонилась от губ Лены, которые были готовы и страстно желали слиться в жарком поцелуе с красивой и сексуальной подругой.

По утру, вспомнив, как на пьяную голову она выдала свою бисексуальность, Лена сильно переживала, что после этого Ника станет относиться к ней с осуждением. Но к счастью, узнав ее одобрительный взгляд на сексуальную свободу, успокоилась. Правда, больше она не домогалась ее, в каком бы состоянии ни прибывала.

Ника в душе ухмыльнулась, повторяя про себя слова Лены — “не нравится быть объектом сексуальных желаний этих извращенцев”.

Если она далеко не Дева Мария, что ж тогда в ее понимании “извращение”? Ясно, что она это употребила просто для связки слов. Но все равно забавно.

— Что бы мы делали, если б эти “извращенцы” перестали обращать на нас внимание? — произнесла Ника в завершение темы “отношения между полами”, — если хочешь, можем с тобой поменяться местами? Не будешь видеть их наглые глаза, — смеясь, предложила она погружившейся в раздумья Лене.

Ника доверяла жизни и поэтому не терзала себя страхом перед будущим. Ей рано довелось испытать боль потери, но благодаря поддержке и заботе своей бабушки, она научилась отпускать прошлое. Она любила жизнь и считала, что каждый человек должен научиться этому чувству.

Иногда ею овладевало желание кричать на весь мир о том, что жизнь — это подарок, что она наполнена чудесами. Ее глаза становились грустными, когда она видела здоровых полноценных людей, которые изводят себя мелочностью повседневности. Она могла одним взмахом руки заставить замолчать скептиков, твердивших о том, что нет в мире никакого волшебства

и что все эти мистики и алхимики — попросту наивные идиоты, желающие продлить детскую сказку. Но подобные эмоции умирало прохладное понимание того, что большая часть людей просто не хотят видеть чудеса, которые практически всегда у них перед глазами.

О том, насколько жизнь может быть удивительной и прекрасной написаны горы книг. Каждый живущий на земле человек, не зависимо от того в каком положении он находится, может изменить свою судьбу. Но словно какие-то темные силы наложили проклятие на людей, что они всеми силами упираются, чтобы их, не дай Бог, не втянула привычка быть счастливыми. Они любят мечтать о счастье, делают вид, будто предпринимают все необходимое, чтобы приблизить тот день, когда счастье захлестнет их с головой. Но на самом деле боятся признать, что всегда пребывали в этом дне, и от них не требуется ничего, кроме как сбросить с глаз пелену, мешающую увидеть это.

Сознавая, что ни крик, ни рев, ни вопль не сможет разбудить человека, если он сам того не

пожелает, Ника продолжала смотреть на мир с любовью и состраданием, держа в строгой тайне волшебную силу, которой она обладала.

Тот факт, что в отношениях с любимым человеком есть недомолвка, расстраивал Нику. Будучи девушкой очень романтичной, с самого детства она мечтала, что когда повстречает того самого, предназначенного ей судьбой мужчину, то между ними не будет никаких секретов. Много раз она представляла, как расскажет ему о том, что полностью перевернет его сознание и просто повергнет в шок. И так как это будет настоящая любовь, то его отношение к ней не изменится, и где-то он будет даже гордиться, что его девушка такая необыкновенная, храня ее тайну как свою собственную.

Но по мере того как Ника постигала человеческую природу, она все больше склонялась к

тому, что не стоит из-за детской романтики укладывать жизнь тем, кого любит. Ведь на самом деле, невозможно предсказать реакцию человека, привыкшего смотреть на мир по простой схеме: вода — мокрая, а соль — соленая. Тем более, когда речь идет еще и о мужчине, есть огромный риск ущемить его озабоченное эго своим превосходством.

Прошло совсем немного времени после переезда Ники в Киев как она повстречала свою первую и единственную любовь.

До этого она уже встречалась с парнями. С некоторыми из них у нее был даже секс. Но все это Ника относила к разряду увлечений и обыкновенному желанию получить физическое удовольствие. Она жила полноценной жизнью, зная, что когда-нибудь влюбится по-настоящему в своего личного принца.

Конечно, он был не совсем таким, как она себе его представляла. Но это не имело никакого значения. Ведь воображение — это всего лишь результат умственной деятельности, а любовь — она хранится в сердце и не нуждается во

всякого рода представлениях.

Сколько не фантазируй на тему того, как именно произойдет встреча со своей второй половинкой, в итоге случится это самым непредсказуемым образом. Так и Ника, много раз рисовала в своем воображении сценарий этого действия, а впервые увидела и влюбилась на месте в парня там, где меньше всего ожидала найти свою любовь.

Как-то в один не самый прекрасный день, который совершенно не подходил для судьбоносной встречи, у Ники жутко разболелась голова. Она ушла с занятий и по дороге домой зашла в аптеку. Из-за неважного самочувствия, вид у нее был унылый и глаза не сияли свойственным ей дружелюбием. У единственной кассы была очередь, и это расстроило Нику еще больше. Наблюдая типичную картину, как старенькая глуховатая бабуля не может определиться с тем, какое ж выбрать лекарство от ревматизма, за спиной она услышала приятный голос парня.

— Вы крайняя? — спросил у Ники подошед-

ший молодой человек.

В шаге от нее стоял высокий статный красавец. Он был со вкусом одет. Его стильная рубашка подчеркивала проявляющиеся через нее мускулы. От него веял аромат, который ей показался до боли знакомым и родным. Ее душа застыла, когда она впервые в жизни посмотрела в голубые бездонные глаза мужчины своей мечты.

Ника была охвачена смятением. Произошло то, о чем она так долго мечтала. Это любовь! Любовь с первого взгляда! Но где?! В аптеке! Запах лекарств вперемешку с потом людей, гигиена которых порой оставляет желать лучшего. И в тот момент, когда у нее от боли раскалывается голова! Что общего все это может иметь с романтикой?! Фантазии о том, где и как стрела купидона должна пронзить ее сердце, были разрушены непредсказуемостью жизни.

Ее сознание заполнили опережающие друг друга мысли. Больше всего Ника переживала из-за того, что в тот момент, когда хочется взглянуть на все сто процентов, ее лицо едва

ли не кривится от головной боли. Ей хотелось убежать, исчезнуть, чтобы он не видел ее такой. А позже, разыскав его, во что бы то ни стало предстать перед ним во всей красе, с тем блеском в глазах, который в данный момент не получится воссоздать даже искусственно.

Засмутившись, Ника поспешила отвести от парня взгляд и повернулась к нему спиной. Она старалась скрыть свое волнение и прикладывала усилия, чтобы сдерживать свое тяжелое дыхание.

— Простите, Вы последняя в очереди? — так и не дождался ответа светловолосый парень.

— Да, — в полголоса ответила Ника, переживая теперь, что выглядит глупо.

Эти пять минут молчаливого ожидания своей очереди тянулись так долго, что Ника несколько раз хотела просто уйти.

— Что Вам? — наконец обратилась к ней фармацевт.

— Дайте, пожалуйста, что-нибудь от головной боли.

— Есть много всего. Вам подешевле или по-

дороже?

— Что помогает.

— Да оно все помогает. Возьмите вот анальгин.

— Хорошо, давайте.

— В одной пластине десять штук. Вам сколько?

— Одну.

Ника рассчиталась за лекарства. Отходя от кассы, еще раз украдкой посмотрела на незнакомого, но полюбившегося ей парня, и вышла на улицу.

Ее сердце разрывалось от волнения. Она не знала, что делать — подождать пока он выйдет и просто познакомиться с ним? А вдруг я ему не понравлюсь?! Что если у него уже есть девушка?! Да и вообще, как решиться заговорить первой? Нет, надо идти домой! Может, мне просто показалось? Ошиблась! Да, милый парень, но... А запах! Глаза!

Мучаясь и боясь принять какое либо решение, она медленно направлялась в сторону своего дома. Ника надеялась, что сейчас он выйдет

из аптеки и пустится вслед за ней, подойдя пусть даже с самыми банальными словами “девушка, можно с вами познакомиться?”

И как ликовала ее душа, когда у нее за спиной прозвучал голос, услышать который в тот момент она хотела больше всего на свете.

— Я дико извиняюсь, но мне просто необходимо узнать Ваше имя?

Его уверенный тон заморозил Нику. Она обернулась и, не скрывая радости от того, что этот прекрасный принц сам сделал первый шаг, подхватила аллегоричную манеру разговора.

— Меня зовут Ника. Но позвольте узнать, в чем причина возникновения такой острой необходимости? — улыбнулась она ему в ответ.

— Я объясню. Дело в том, что мне катастрофически не везет в любви. И как-то, после очередного провала в отношениях, я отправился к гадалке, чтобы та сказала, когда же, наконец, мне улыбнется удача, и я повстречаю ту единственную, с которой у нас будут взаимные чувства, — принялся он сочинять, — и знаешь, что она мне сказала?

— Что?!

— Сказала, что любовь свою я встречу в аптеке и звать ее будут Ника, — имитировал серьезность красивый обольститель, — я был просто обязан выяснить имя девушки, которая мне безумно понравилась! И по совокупности обстоятельств... думаю это судьба!

— Что-то мне кажется, врешь ты все, — поддержала Ника завязавшуюся шутку, — такой красивый, умеющий пудрить девушкам мозги парень. В такого любая влюбится без памяти. А ты говоришь, не везет в любви.

— Так они и влюбляются, — где-то даже за-смущался молодой человек.

— А-а-а, — протянула впечатленная его самоуверенностью Ника, — в таком случае, конечно... Гадалка единственный выход. А она случаев не сказала, что у твоей суженной будет страшно болеть голова?

— Ой, прости, пожалуйста. Я ведь видел, как ты таблетки покупала. Морочу тебе тут голову своими байками. Ты домой направляешься?

— Домой!

— Давай я тебя провожу?

— Проводи. А то мало ли что с больной слабой девушкой по дороге может случиться, — решила Ника разбавить внезапно ворвавшуюся в разговор серьезность.

— Знаешь, а больной ты не выглядишь, — заулыбался парень.

— Правда?! А я переживала, что выгляжу, — обрадовалась Ника, — кстати, ты так и не сказал, как тебя зовут.

— Богдан.

— Приятно познакомиться!

Ника не пригласила своего провожатого зайти выпить кофе даже притом, что ей совсем не хотелось с ним расставаться. Женское начало взяло над ней верх, и она просто не могла себе позволить, чтобы первый визит ее любимого к ней в гости состоялся без предварительной подготовки, да еще и на больную голову.

Прощаясь, они обменялись номерами телефонов. Ника проявила инициативу и сказала, что сама позвонит, когда ее самочувствие придет в норму. Сделала она это, чтобы показать отсутствие у нее предрассудков на тот счет, что первым должен звонить парень. И самое главное, таким образом она избавила себя от томительного ожидания, которыми обычно себя му-

чают все влюбленные.

Богдан, все мысли которого были заняты воспоминаниями о недавнем знакомстве с Никой, сам пару раз порывался набрать ее номер, но сдерживался, боясь, что это будет проявлением слабости.

Ника же долго тянуть не стала и вечером, когда головная боль прошла окончательно, позвонила Богдану.

— Алло, привет!

— Привет! Как твоя голова?

— На месте!

— В смысле, как она себя чувствует?

— Подожди, сейчас спрошу у нее, — засмеялись оба влюбленных молодых человека.

Они были окрылены чувствами, которые до этого ни к кому не испытывали. Им часто приходилось мечтать о том, как это прекрасно — любить и быть любимым. Но до этого дня все их отношения можно было назвать просто шалостью. И лишь в момент, когда их взгляды встретились, зажглась настоящая, искренняя и, самое главное, взаимная любовь.

— Я думал о тебе, — произнес Богдан и на какое-то мгновение пожалел, переживая, что преждевременно оголяет свои чувства.

Ника много раз слышала такие слова, и обычно они не производили на нее никакого впечатления. В основном это были безжизненные фразы наивных глупцов, считающих, что благодаря таким вот выражениям им удастся к ней подступиться. Но сейчас ее до слез пронзала искренность голоса, произносящего то, что она хотела бы слышать снова и снова.

— Знаешь, я тоже не могла выгнать тебя из головы, — призналась Ника.

— Ну, так может и не стоит выгонять? Буду рад там оставаться. Конечно, если тебе это не доставляет неудобства.

— По правде говоря, доставляет. Чувствую себя какой-то рассеянной. А мне еще учиться надо. Да и вообще, трудно на чем-либо сосредоточиться, — с шутовой иронией протянула влюбленная девушка, — так что, я подумываю переселить тебя в сердце. На мой взгляд, это самое подходящее место. И главное, в таком

случае умственная деятельность будет иметь возможность функционировать более-менее нормально.

Романтика накрыла с головой молодых людей, у которых были все шансы стать по настоящему счастливыми в своей любви.

Богдан не стал выдумывать ничего сверхъестественного и на их первое свидание пригласил Нику в скромное, но очень уютное кафе. Впрочем, место встречи не имело особого значения. Они желали поскорей снова увидеться и как можно больше узнать друг о друге. В данном случае было бы глупо проявлять лишнюю изобретательность, стараясь произвести впечатление на понравившуюся ему девушку.

К этому свиданию Ника готовилась как никогда раньше. Она перебрала весь свой гардероб. Долго мучилась — надеть обтягивающую юбку или джинсы со стразами. Битый час танцуя в переодеваниях возле зеркала, все ж таки сделала выбор в пользу розовой стильной юбки.

Перед выходом еще раз разглядела себя со всех сторон в зеркало. Машинально поправила прическу и спустилась в низ, где ее ждало такси.

Приехав в назначенное время к условленному месту, Ника стала оглядываться по сторонам, ожидая увидеть идущего к ней на встречу Богдана. Но в место этого у нее в сумочке раздался звонок ее мобильного телефона.

— Алло, заходи внутрь, я за столиком возле окна.

Направляясь через весь зал к очарованному ее красотой Богдану, Ника ощущала на себе взгляды всех присутствующих в кафе мужчин. Они откровенно пожирали глазами молодую стройную девушку, выворачивая головы, глядя ей в след. Но до них ей не было никакого дела. В этот момент для нее существовал только один человек, оценка которого была действительно важна для Ники.

— Прекрасно выглядишь! — не скрывая восторга, сказал Богдан.

— Спасибо!

— Я решил не угадывать твои предпочтения в напитках и не стал без тебя ничего заказывать. Что будем пить?

— Ты на чем остановился?

— Думаю, так как сегодня у нас первое свидание, может быть вино?

— Да, я не против.

— Белое, красное?

— Красное!

Богдан подозвал официанта, сделал заказ и попросил зажечь свечку, стоявшую у них на столике.

— Миленькое кафе. Романтичная атмосфера, — заметила Ника, — Мне здесь нравится.

— Значит хорошо, что я пригласил тебя сюда, а не в спорт-бар, забитый футбольными фанатами, — улыбнулся Богдан.

— А что, было бы оригинально. Вот только я одета, пожалуй, не по-спортивному.

— Ну, это ничего, я бы дал тебе шарф с названием любимой команды, дудку, и ты вполне сошла бы за яркую болельщицу.

— Нет, лучше большой флаг, чтобы я могла в него полностью завернуться. И еще флажки на щеках нарисовать. Я по телевизору такое видела.

— Ты смотришь футбол?!

— Да так, за компанию с друзьями видела пару игр.

— А на стадионе никогда не была? Вживую смотреть интересней. Хотя....

— Что хотя?

— Нет, ну ты же девушка. А девушки, как правило, футбол как-то не очень любят.

— А может, я — исключение из правил.

— Если исключение, тогда обещаю повести тебя на какой-нибудь интересный матч.

— А чем отличается интересный матч, от неинтересного? По-моему, там всегда одно и то же происходит: гоняет толпа мужчин один мячик туда-сюда, да по ногам иногда друг друга бьют.

— Иногда они еще и по воротам бьют. Но впрочем, я так понимаю это не столь важно, — понял уровень ее “фанатизма” Богдан, — скоро играют синенькие против красненьких, можем сходить.

— Пойдем, — утвердительно сказала Ника, — Люблю разнообразие. Тем более, что я действительно ни разу не была на футболе.

Официант принес два бокала, наполненных красным вином.

— Первое свидание, вино, свечи. Одним словом, романтика. А мы о футболе, — весело отметил Богдан.

— А я считаю, что это даже хорошо — вносит ноту непринужденности, что для первого свидания очень полезно.

— Нет, я не сказал, что это плохо. Просто как-то необычно.

— Необычно — значит интересно! А в общении, это, пожалуй, главное.

— В таком случае, выпьем за то, чтобы нам всегда было интересно друг с другом.

Молодые люди подняли свои бокалы. Они явно были довольны тем, как непринужденно складывался их разговор. Ни с кем до этого им не было так легко и комфортно, и это указывало на то, что их первое свидание положит начало продолжительным отношениям.

Взаимная симпатия только возрастала, по мере того, как они узнавали друг друга. Наслаждаясь приятным общением, они не заметили, как быстро пролетело время и что из посетителей в кафе остались только они одни.

Официант, не дожидаясь пока его попросят, принес счет, тем самым давая понять, что бар закрывается.

Не смотря на то, что было уже достаточно поздно, Ника и Богдан решили еще немного прогуляться по ночному Киеву.

Как ни странно, но за весь вечер в их разговор ни разу не вмешалась неловкая пауза. Обсуждая самые разные темы, у них даже со-здалось впечатление, будто они знакомы уже много лет.

Взявшись за руки, двое влюбленных не торопиво шли по набережной.

— Расскажи мне о своей работе? — с неподдельным интересом попросила Ника.

— Я ведь уже рассказывал.

— Ты только сказал, что занимаешься привлечением иностранных инвестиций в отечественные предприятия. Но если честно, мне это мало о чем говорит. В чем именно заключается твоя работа?

— По сути, моя основная задача — вести переговоры с представителями зарубежных компаний. Убеждать потенциального инвестора в том, что бизнес, в который он собирается вложить деньги, имеет огромные перспективы в

нашей стране. Предоставлять подробный бизнес-план, разъяснять специфику работы в нашем государстве и так далее.

— А где ты находишь, этих потенциальных инвесторов?

— Ну, я-то их нигде не нахожу. Поиском и привлечением иностранных “толстосумов” занимается фирма, на которой я работаю. Вернее, один из ее отделов. А мне просто предоставляют материалы относительно того предприятия, которому нужны деньги, и той компании, которая готова инвестировать эти деньги. Я их изучаю. Ищу сильные стороны, на которых можно сыграть. А затем отправляюсь на встречу, чаще всего к очень недоверчивым типам.

— То есть, это такая фирма-посредник? — уточнила Ника.

— Абсолютно верно!

— Ты, наверное, хорошо разбираешься во всех этих бизнес-планах и тонкостях разных предприятий?

— Если честно, то не очень. Я хороший переводчик, но как бизнесмен далеко не Карнеги.

Когда один мой знакомый предложил помочь устроиться на эту фирму, то я поначалу подумал, что не потяну. Я ведь иняз закончил, а не высшую школу бизнеса. Но оказалось, что им как раз нужен человек с хорошим знанием английского языка и располагающей к доверию внешностью. В общем, я им подошел.

— Интересно, — удивилась Ника, — и тебе нравится твоя работа?

— Как сказать. Хорошая зарплата. Солидная фирма. В принципе....

— Нет. Я имела в виду, ты получаешь удовольствие от того, чем занимаешься?

— Нельзя сказать, что я прям тащусь от этого. Но работа есть работа! Разве не так?

— Не знаю. Мне кажется, каждый человек должен заниматься тем, что ему по-настоящему нравится. Если б у тебя была возможность выбрать, кем бы ты хотел быть? Скажем, у тебя столько денег, что до конца жизни не надо заботиться о зарботке. Чему бы ты себя посвятил?

— Хороший вопрос, — усмехнулся Богдан,

— по правде говоря, в детстве у меня была мечта жить на яхте. Я в каком-то фильме видел, как на красивом белом судне главный герой выходил в открытое море и погружался с аквалангом. С тех пор эта картина в моем сознании отложилась как вариант идеальной жизни.

— То есть, это твоя мечта?

— Мечта, это когда к чему-то стремишься или чего-то страстно желаешь. Так что, думаю, мечтой это назвать трудно. И, в конце концов, у меня нет столько денег. А если ставить перед собой цель заработать их в таком количестве, то вся жизнь может свестись только к погоне за мечтой. А сама реализация не принесет столько удовольствия, чтобы оно могло окупить все жертвы, на которые ты из-за нее шел

— А я считаю, что мечтать надо обязательно! Пусть даже, сейчас она кажется совершенно нереальной, но, возможно, пройдет время, и это сокровенное желание воплотится в жизнь. И вот тогда, можно будет посмеяться с того себя, который не верил в чудеса. С того, не видящего дальше своего носа, скептика, думающего, что

он знает жизнь, — Ника набрала в грудь воздух, собираясь продолжать свою трогательную речь, но вовремя пресекла свой порыв.

— Так. По-моему, только что кто-то назвал меня скептиком, — шутливо прищурил глаза Богдан.

— Нет, я не тебя. Я, в общем..., — принялась она оправдываться.

Богдан начал было что-то говорить, но его монолог прервал пронзительный женский крик. Затем послышались более низкие мужские голоса, которые явно выражали агрессию.

Буквально в тридцати метрах от мирно прогуливающейся пары разгорелась пьяная ссора. Двое мужчин, размахивая руками и поливая друг друга благим матом, выясняли между собой отношения. Их такая же, в хлам пьяная, спутница была явно напугана происходящим. Ее вопль можно было услышать за километр. И, оказавшиеся не далеко от места события, Ника и Богдан, естественно, обратили на них внимание.

— Толик, не надо! Толик! Отпусти его, — би-

лась в истерике участница недавнего торжества, которое переросло в поножовщину, — Толик, брось нож! Прошу тебя! Толик!

— Ты че, сука, резать меня собрался! — отозвался один из “бойцов”, — я сейчас тебе этот нож знаешь куда вставлю!

— Да я тебя, тварь, сейчас на лоскуты порежу! Пидор ты ебучий! — возмутился мужик, в руках которого сверкал нож.

— Ты кого “пидором” назвал?!

В какое-то короткое мгновенье, после очередной порции матов в свою сторону, Толик сделал шаг вперед, и лезвие ножа проткнуло живот его собутельника. Отпустив рукоятку, он шатаясь попятился назад.

Такой поворот событий ошеломил всех свидетелей этого инцидента.

Недавно буйный пьяница с хрипом повалился на землю. Толик, осознав, что сейчас он не только “вскрыл” брюхо своему корешу, но и лично расписался под тяжелой статьей, бросился к убиенному.

— Леха, братан. Прости. Как же это я?!

— Убил. Убил! — завопила, как милицейская серена, их вмиг протрезвевшая подруга, — Толик, ты что ж наделал?!

— Заткнись, дура! Леха, держись братан, я сейчас скорую вызову. Бля, как же я так?!

Бьющаяся в истерике женщина, бросилась к наблюдавшим за этим действием молодым людям.

— Пожалуйста, помогите! Вызовите скорую помощь! Позвоните в скорую! Умоляю! Он истекает кровью! Пожалуйста, позвоните!

Ника, ни секунды не раздумывая, стремительно направилась к лежащему на земле мужчине, возле которого на коленях ползал перепуганный убийца. Богдан пустился вслед за ней, на ходу доставая из кармана мобильный телефон.

— Как позвонить в неотложку? Я набираю ноль три, и все время сбой вызова!

— Набирай сто три, они на все экстренные номера единицу добавили, — ответила склонившаяся над синееющим телом Ника, — отойди подальше, — приказала она растерянно глядя-

щему на нее алкашу.

— Вы врач? Спасите его, пожалуйста! Меня ж посадят, — умоляюще промямлил тот.

— Да, врач! Отползи от сюда!

Ника присела на корточки возле умирающего человека. Левую ладонь положила на лоб, а правой рукой обхватила рукоять торчащего в животе ножа.

— Ника, что ты делаешь, — спросил Богдан, обескураженный такими ее действиями.

Но она даже не собиралась отвечать на его вопрос. Ее взгляд будто застыл, и, казалось, царившая вокруг суета перестала для нее существовать. Она не обращала никакого внимания ни на причитающую рядом женщину, ни на взволнованного, из-за странного поведения своей девушки, Богдана.

— Ника, не вынимай нож, а то он тогда точно истечет кровью! Лучше вообще отойди от него!

— в пустоту отправлял свои реплики Богдан,
— сейчас врачи приедут. Слышишь меня?!

Ника еще секунд пять сидела неподвижно, затем медленно разжав пальцы, отпустила нож.

Поднявшись на ноги, она усталым шагом подошла к Богдану.

— Ты вызвал скорую помощь? — тихо спросила она, не поднимая на него глаз.

— Да, конечно! Они сейчас приедут. Что с тобой? — постарался поймать ее взгляд, взволнованный ее состоянием парень.

— Проводи меня, пожалуйста, до такси. Я очень устала, — попросила Ника.

— Хорошо. Только я с тобой поеду. Хочу быть уверенным, что ты благополучно доберешься домой.

— Ладно, — утомленно улыбнулась девушка.

По дороге в такси они практически не разговаривали. Ника ничего не сказала относительно своих действий на набережной. А Богдан, видя как резко поменялось ее настроение, не лез к ней с вопросами.

Он подумал, что хрупкая мнительная девушка, оказавшись в нестандартной ситуации, просто растерялась. По доброте душевной хотела чем-то помочь, но не совладав собой, под действием эмоций, не отдавала себе отчет, когда стала хвататься за нож.

В машине, он нежно обнял ее за плечи. Она всем телом прижалась к сильному мужчине. В такой теплой трепетной атмосфере они доехали до Нинкиного дома. Обнявшись возле подъез-

да, взбудораженные друг другом и насыщенными событиями вечером, они какое-то время стояли молча.

— Я позвоню тебе завтра, — чуть слышно произнес Богдан, слегка касаясь губами ее щеки.

В ответ на эти слова она еще крепче обняла его.

Дождавшись, когда за Никой захлопнется дверь, счастливый молодой человек вернулся в такси. Назвав улицу и номер своего дома водителю, он растворился в воспоминаниях о прошедшем свидании.

Врачи скорой помощи приехали довольно быстро. Отогнав как назойливую муху, молящего спасти его друга, раскаявшегося душегуба, они принялись осматривать пострадавшего.

— Пульс слабый, — осведомил своих коллег один из врачей, — сколько, чего выпили? — обратился затем он к дрожащей неподалеку женщине.

— Мы, это. Мм..., — растерялась та.

— Что, “М-м, э-э...”? Говори давай, чем ужрались? Сколько выпил пострадавший? — грубо поставил вопрос другой медработник.

— Водку пили. Пшеничную, — стала собираться с мыслями женщина, — было три бутылки. Ну, мы две выпили. Одна разбилась.

— Он наверно разбил? — указал на едва дышащее тело раззадорившийся врач, — а вы его за это и прирезали. Да?

— Нет! Что Вы, доктор. Она сама случайно разбилась. Тем более из-за водки, человека.... Что ж мы, совсем что ли?! — принялась оправдываться, не понявшая тонкого юмора, свидетельница драмы.

— Ладно, милиции будете объяснять, кто, кого и за что. А мы постараемся спасти вашего соплеменника, — иронизируя, произнес врач, сделав ударение на последнем слове, — ребята, давайте его в машину.

Когда, уже в городской больнице, дежурившие в этот вечер эскулапы извлекли нож и тщательно осмотрели рану, то обнаружили удивительный для себя факт: кровь от пореза застывала так, словно ее прижгли паяльной лампой, что, по сути, и предотвратило внутреннее кровоизлияние.

— Интересное кино, — изумился хирург, проводивший операцию, — как такое могло случиться? Они что, лезвие раскалили перед тем

как воткнуть в него?

— Бывают же чудеса, — подхватил его ассистент.

— Вот алкаши, вечно с ними что-то непонятное случается. Нормальный человек уже давно бы помер, а этот ничего, еще и фокусы показывает.

Уже на утро более-менее оклемавшийся пациент, опираясь на своих верных друзей, самовольно покинул больницу.

Толик, которому сильно полегчало от того, что пускай самую малость, но до убийцы он не дотянул, мысленно благодарил врачей, думая, что именно они спасли жизнь его дружка. Боясь, что кто-нибудь из медперсонала вызовет милицию, как обычно и делают в таких случаях, взвалив на себя Леху, он старался побыстрее увести его из больницы.

— Тебе швы наложили? — участливо спросил Толик.

— Наложили, — кривя от боли лицо, лениво буркнул в ответ Леха, — черт, голова раскалывается!

— Сейчас, подлечим. К Машке тебя отведем, и я по-быстрому в магазин сгоняю, — стараясь загладить свою вину, пообещал недавний обидчик, а теперь снова лучший друг, Толик.

Леха такой перспективе откровенно обрадовался. Жизнь потекла тем же руслом. Продолжился затяжной запой, который длился уже не первый месяц.

О том, что швы с раны необходимо снять, он, конечно же, забыл. И только когда началось нагноение, Леха решил их удалить самостоятельно. Вследствие своих “квалифицированных” действий он занес инфекцию и через три месяца скончался от заражения крови.

Толик, Машка и прочие его собутыльники скорбели о своем собрате. Но только теперь это не было убийством. То есть, жил себе человек, а потом просто заболел и умер. А то, что причиной болезни послужило ножевое ранение, ... так это когда было? Он же тогда выжил...

Ника не знала о дальнейшей судьбе спасенного ею человека. В тот момент она не дума-

ла о его перспективе на будущее. Хроническое человеколюбие взяло над ней верх. И если бы даже ей было известно о скорой кончине этого халатного пьяницы, она все равно бы сделала то же самое — остановила кровь, подарив ему второй шанс на борьбу за жизнь.

Рано утром, когда Ника была еще в постели, ей позвонила лучшая подруга Ольга.

— Ну как все прошло? — с азартом начала она свой “допрос”.

Ника, с трудом продрав глаза, посмотрела на часы — семь утра.

— Поспать бы еще, ну хоть полчаса, — жалобно застонала Ника, — Может, мне не пойти сегодня в институт?

— О! Все было настолько интересно, что тебе даже не удалось выспаться?

— Пошлячка, — шутя, ответила Ника.

— Почему же пошлячка? По статистике в наши дни двадцать процентов пар уже на первом свидании переходят к интимной стадии от-

ношений, — с присущей ей веселостью, сказала Ольга, — ладно, ставь чайник, я через десять минут буду у тебя. Готовь полный отчет. Мне нужны подробности. И желательно пикантные, — еще с большим задором добавила простая, но очень душевная девушка.

Нехотя стащив с себя одеяло, потянувшись во весь рост, Ника встала с кровати. По обыкновению, первым делом она открыла замок входной двери — это вошло уже в привычку, с тех пор как Ольга стала заезжать за ней перед институтом. Затем она пошла принять прохладный душ, чтобы хоть как-то привести себя в чувства.

Как уже давно повелось, Ольга без звонка и стука вошла в квартиру.

— Привет, Джульетта! Ты где? — крикнула она с порога, — если ты еще спишь, соня, то буду будить тебя холодной водой!

— С тобой поспишь, — вздохнула Ника, выходя из ванной, — привет, дорогая! Как доехала?

— Ой, сегодня, слава Богу. На Красноар-

мейской в небольшую пробку попала, а так нормально. Ты как всегда чайник не поставила?

— Как всегда, — улыбнулась Ника, — будь другом поставь. А я пока докрашусь.

— Прячешь синяки от недосыпания? — по добродушному съязвила Ольга.

Девушка пошла на кухню, налила в электрический чайник воды, включила его и направилась в комнату, где прихорашивалась Ника.

— Ну, рассказывай, как он?

— В каком смысле?

— А во всех. В которых успела его узнать.

— Классный!

— Нет, это ты мне уже говорила, еще до того как пошла с ним на свидание. Ты горяченькое давай.

— А что горяченькое? Посидели в кафе. Пообщались. С ним очень интересно, кстати. Потом прогулялись немного по набережной...

— И это ночные прогулки тебя так вымотали, да? А как же обнимания, поцелуи? Как он? Хорошо целуется?

— Я думаю, хорошо.

— Что значит “думаю”? Он что, даже не поцеловал тебя на прощанье? Ну, как в этих фильмах про любовь: они стоят, держась за руки, смотрят друг другу в глаза, и вдруг он медленно, но уверенно целует ее в губы, — с чувством и расстановкой, произнесла веселая подруга Ники.

— Нет. Все было совсем не так. Они стоят крепко обнявшись....

— Вот-вот, уже хорошо!

— Затем он нежно целует ее в щеку и сладко шепчет “я позвоню тебе завтра”. Она удаляется в подъезд. Он уезжает на такси. Хеппи энд! — переняла ее манеру рассказа, “монолог из спектакля”, Ника.

— Это, конечно, не совсем то, что я ожидала услышать, — сделала вид, будто слегка расстроилась, Ольга, — но поцелуй в щеку..., — вдохновенно протянула она, — он многое компенсирует!

— Ой, ты такой романтик, — передразнила ее Ника.

— Между прочим, романтик! — сымитиро-

вала серьезность Ольга, — вот например, вчера мы с Олегом устроили совместный просмотр художественного фильма.

— Для взрослых! — добавила Ника.

— И ты еще меня называешь пошлячкой?! Нет, это был очень трогательный фильм про любовь.

— Вот я и говорю, про любовь.

— Птфу, на тебя.

— Ну ладно, извини! Продолжай.

— Да что там продолжать. Лежали с Олегом на диване в обнимку. Смотрели “Унесенные ветром”. Он на половине фильма уснул. Да еще и меня своим храпом разбудил, — рассмеялась Ольга, — Романтика!

— Так вы сколько уже вместе? Три года! И как минимум год живете под одной крышей! Чего ты хотела? Это и есть прелесть семейной жизни!

— Ой, Ника, не говори мне этого слова — “семья”. Мы с ним еще не женаты. И я не уверена, что вообще когда-нибудь захочу выйти замуж.

— Захочешь! Причем за Олега же и выйдешь!

— Не знаю. Как посмотришь на этот быт, так страшно становится. Думаешь: “это и есть, то самое долгожданное семейное счастье, о котором все так мечтают?”. И начинаешь после этого потихоньку склоняться к мнению, что все это иллюзия и самообман. Начитались в детстве книжек о прекрасных рыцарях, которые с табуном белых лошадей примчатся именно за тобой. А в итоге? — Олег. И ездим мы на красном коне, которого мне папа подарил.

— Дура ты, Олька! За твоего Олега тебе любая баба готова будет глотку перегрызть. Да и сама небось, когда начинали встречаться, млела от одного его вида?! И никакой тебе конь тогда не нужен был. Ни красный, ни белый, ни фиолетовый. А теперь ты просто за-жра-лась!

— Да, Ника, умеешь ты вправлять мозги!

— Спасибо! Обращайтесь, — усмехнулась Ника.

— Все ты, конечно, правильно говоришь. Но ответь мне — почему со временем вся эта ро-

мантика проходит? Куда она девается? Да, я в него влюбилась до беспамятства. Да, я млела от него. Но сейчас ведь все по-другому. Себя не обманешь. Вроде бы я его люблю и в тоже время боюсь — вдруг это просто привычка. И не мой это принц вовсе. А мой где-то ходит, ищет меня. А я тут. С Олегом.

— Все очень просто! Брось его. Приди сегодня домой, собери вещи и возвращайся к родителям.

— Нет, ну как это брось? — смутилась Ольга.

— А вот так. Просто возьми и брось. Или лучше представь, что он тебя бросает. Так еще действенной, — увлеклась Ника психотерапией, — приходит тебе смс с текстом: “Прости, мы с тобой расстаемся. У меня другая. Не поминай лихом. Прощай!” Ты домой, а там шкафы пустые. Ты ему звонишь, а он сбрасывает и еще одна, последняя смс: “Пожалуйста, не звони мне. Не стоит усложнять. Желаю тебе счастья!”.

— К какой другой?! Да я его!... вместе с

ней!

— Вот! Значит, все-таки он тебе нужен!

— Ой. Да, нужен. Куда ж я без него, — сказала Ольга, — Ну, красавица, ты навела марафет? Пойдем, там чайник уже сто раз закипел.

Девушки выпили чай. Ольга еще немного помучила Нику вопросами о том, где и кем работает Богдан, в каком районе он живет и тому подобное. Ника красочно расписала какой он умный и замечательный. Как ей с ним хорошо и интересно. Но ни словом не обмолвилась о событии, которое по большому счету и отняло у нее этой ночью столько сил и энергии.

Молодая целительница по возможности не придавала огласки подобным происшествиям. Она всегда опасалась вопросов, на которые не могла дать честные ответы.

Утаив от Ольги интересную, по мнению простого обывателя, историю, Ника подумала о том, что надо будет предупредить Богдана, что-

бы он тоже не распространялся на эту тему с ее подругами, с которыми в ближайшем будущем она собиралась его познакомиться.

— *Ж*у что, помчались в институт? А то как всегда опаздываем, — посмотрела на часы Ольга.

— Как не хочется, — принялась хныкать Ника.

— Давай, вперед! Ученье — свет! — подбадривала ее ответственная подруга.

— Да. А не ученье — тьма! — продолжила Ника знаменитый постулат Ленина.

Две красивые студентки вышли на улицу. Недалеко от подъезда Ольга припарковала свой красный “Мицубиси Кольт”. Погрузившись в автомобиль, они направились в институт, ехать до которого было минут пятнадцать.

— Что у нас сейчас? — спросила Ника, у бо-

лее прилежной ученицы.

— О, моя дорогая, ты с этой любовью совсем про учебу забыла!

— Нет, почему? Я помню какие сегодня пары! Просто не знаю их очередность.

— И то, что у нас сегодня семинар по экологии, ты, конечно, тоже знаешь?

— Вот, блин! А я конспект даже не открывала!

— А ты их хоть когда-нибудь открываешь?

— Когда-нибудь открываю!

— Ладно, не переживай. Первые две — лекции. На них и считаешь.

Заняв место в конце аудитории, подальше от лектора, Ника принялась штудировать свою тетрадь по экологии. Ольга же, как примерная слушательница, конспектировала материал текущей лекции.

— Потом у меня перепишешь, — настоятельно сказала Ольга.

— Хорошо, мамочка! — шутливо ответила ей Ника.

— Давай, зубри! Доченька!

Только Ника “увлеклась” чтением совсем не интересного ей предмета, как ее внимание отвлек звонок мобильного телефона.

Чтобы не провоцировать преподавателя, она сразу нажала кнопку сброса вызова.

— Поставь на беззвучный режим. А то “нище” совсем разозлится, — посоветовала Ольга, указав взглядом, на лектора.

— Я как всегда забыла.

Ника сначала последовала совету своей подруги. Затем посмотрела, кто хотел до нее дозвониться. Открыв в телефоне историю входящих вызовов, она увидела имя своего, всегда желанного видеть и слышать, мужчины.

— Что, любимый? — увидела Ольга засиявшие от счастья глаза Ники.

Та кокетливо кивнула в ответ.

— Все, пропала девка! — шутя, произнесла Ольга, — какая там учеба, когда любимый на проводе.

— На волне!

— Ах, да. На волне. Но сути это не меняет.

Ловко скользя пальцами по кнопкам мобиль-

ника, Ника набрала текст смс: “Я на лекции. Перезвоню, через двадцать минут”.

Не заставив себя долго ждать, Богдан прислал ответное сообщение с коротким “ок”.

Выйдя после звонка из аудитории, Ника отошла подальше от шумящей толпы студентов.

— Алло, привет!

— Привет, Ника! Как ты?

— Все отлично! Как у тебя дела?

— Я тоже хорошо. Вот зашел в кафе позавтракать. И вспоминая о тебе, не удержался, решил позвонить. Только как-то не подумал, что могу отвлечь тебя от учебы.

— Ничего страшного, учеба переживет!

— спешила она его успокоить, указывая на то, что он для нее куда важней, чем институтские занятия.

— Ну как же, учење — свет!

— Знаешь, я эту мудрость уже второй раз за утро слышу. К чему бы это?

— Да?! Интересно...

— Олька, моя подружка, я вчера тебе про нее

рассказывала, с утра по раньше, решила меня этой фразой наставить на путь истинный.

— И как, получилось наставить?

— Получилось! Вот теперь под ее чутким руководством готовлюсь к семинару.

— Какая она у тебя молодец!

— Да! Только она мне жизни не дает, спрашивает: “когда ты меня познакомишь со своим Богданом?”

— А мне нравится это слово — “своим”! В смысле — “твоим”.

— Ну..., — хотела было оправдаться Ника.

— Нет, нет, я совсем не против быть твоим! — опередил ее Богдан, показывая всю серьезность своего отношения к ней.

— Я тоже, — немного смущаясь, в полголоса ответила Ника, радуясь тому, что так непридуманно был озвучен статус их отношений.

Права была Ольга — какая там учеба, когда в голове, в душе, во всем теле эхом переливается неподдельная, не натянутая, а самая настоящая любовь.

Вернувшись после разговора с Богданом на лекцию, она не могла больше читать занудный предмет. Впрочем, конспектировать лекцию, на которой она присутствовала только физически тоже не стала.

— Ой, Олька, я на седьмом небе от счастья! — еле сдерживая слезы радости, пропела Ника.

— Да я вижу. Что, сегодня опять бежишь к нему на свидание?

— Нет, сегодня у него не получается. А вот завтра он приглашает нас к себе в гости.

— Кого это нас?

— Нас, всех. Меня, тебя и твоего парня. Олега, соответственно.

— Ух ты! Как-то неожиданно даже.

— А ты рассчитывала еще месяц меня доставать, чтобы я тебя с ним познакомила?

— Быстрый он у тебя!

— Да. Он у меня такой, — смаковала Ника чувство обладания парнем своей мечты.

— Что ж, надо предупредить Олега, чтобы он никаких планов на этот вечер не строил.

Витая в облаках, Ника не заметила как пролетел учебный день. На семинаре, к которому она так и не подготовилась, ей повезло остаться без внимания со стороны преподавателя.

После занятий Ника с Ольгой и еще одной одногруппницей, как это часто бывало, пошли в “Студенческий”. Там, радуя свои души мороженым, они как обычно болтали о своем, о женском.

— Хорошо, конечно, девчонки, вот так сидеть, языками молоть, но я полетела домой. Скоро милый придет с работы, надо еще что-нибудь поесть приготовить, — собралась уходить Ольга, — Такая она — семейная жизнь. Смотри, и тебя скоро может постичь такая же

участь, — ухмыляясь, адресовала она Нике.

— Не самая худшая участь, хочу заметить — ждать любимого и хотеть ему сделать приятно, — ответила на это Ника.

— Все, пока! Я полетела, — попрощалась Ольга.

Ника еще какое-то время посидела в баре, слушая историю, которую с азартом рассказывала приятельница. Затем тоже отправилась домой. Но там ее ждал только пушистый рыжий кот, которого она любила баловать всякими вкусностями.

Чаще всего из института Ника добиралась домой на метро. Но в этот раз она решила прогуляться пешком. Погода была превосходная. Летнее солнце, не раскаляя воздух, нежно дарило свое тепло. И то, что дорога домой займет больше часа, абсолютно не смущало девушку, прибывающую в состоянии эйфории.

Проходя мимо одного из городских парков, Нику одолело желание в нем задержаться. Не потому что устала, а просто желая насладиться

жизнью, кипящей в этом красивом месте, она присела на свободную скамейку.

Посреди сквера, радуя слух приятным шуршанием воды, работал фонтан. Глядя на то, как многочисленные струйки образуют разные фигуры, Ника думала лишь о том, насколько прекрасна. Она была уверена, что весь мир, к которому она относилась с искренней любовью, откликнулся ей взаимностью.

Вот он — рай! — подумала Ника, — просто здесь, посреди суетливого шумного города. Заботливое солнце дарит жизнь деревьям и цветам. Те в свою очередь рады поделиться своей красотой, давая насладиться видом пышных листьев и насыщенными ароматами. Освежающий бриз от фонтана нежно прикасается к лицу...

И это великолепие не скрыто от людских глаз. Стоит лишь остановиться. Оглядеться вокруг, и взору откроется бесконечное множество таких вот скверов, фонтанов и цветочных озер.

Как жаль, что большинство людей не видят то прекрасное, которое всегда окружает их. Отгородившись от всего этого стенами, возведен-

ными из своих предрассудков, они мчатся по мрачному коридору в надежде, что где-то там есть счастье. Как же глупо тратить свою жизнь на вечную борьбу с самой жизнью!..

— Здесь не занято? — внезапно оборвал полет вдохновенной мысли хриплый голос пожилой женщины, — можно сесть?! — грубоватым тоном добавила она.

— Да, пожалуйста, — уважительно ответила Ника.

— Вот твари! Уже посреди белого дня пьют, — не стала затягивать с порцией старческого маразма навязавшаяся собеседница.

— Что, простите? — переспросила Ника, не ожидавшая такого резкого начала разговора.

— Говорю, сволочи! — еще громче повторила та, — понажираются, а потом житья от них нет! — указала она в сторону компании, собравшейся у скамьи в метрах тридцати от них.

Действительно, четыре молодых человека, с пластиковыми стаканами в руках, весело что-то обсуждали между собой. Бутылка вина, опустошенная примерно на половину, стояла под

лавочкой. По всей видимости, прячась от патрулирующих милиционеров.

Ника, которая уже минут пятнадцать находилась в парке, только сейчас с подачи злой бабульки заметила их.

— В наше время была на них управа! А сейчас творится черти что и никому дела до этого нет! Вот, где милиция?! — не собиралась униматься старуха.

“Вот оно — яркое подтверждение моих слов”, — отметила про себя Ника: “На отрез не хочет замечать скучающая пенсионерка красоту этого мира. А вон еще урна переполнена. Наверняка, это привлекает ее внимание куда больше, чем пестрящие живописной палитрой цветочные клумбы, которыми изобилует парк”.

— А дворники?! Такие же пьяницы! Работать не хотят! Мусор валяется, а всем наплевать! — словно прочитала она мысли Ники, — жаль, нет Сталина. Он быстро порядок бы навел.

— Может не все так плохо? — опрометчиво решила завести дискуссию Ника, — ребята вроде бы никому не мешают. Мусор наверняка

скоро уберут.

— Конечно! Сейчас напьются и начнут морды друг другу бить. И хорошо, если только друг другу, — перебила Нику обозленная на весь мир старуха, — вон, на прошлой неделе у нас во дворе человека убили. Такие же бездельники понажирались как свиньи и ни в чем не повинного парня до смерти забили. Милиция потом по квартирам ходила: “Вы что-нибудь видели?”. Даже если видели? Кто им скажет? Чтобы потом и тебя эти паразиты пришибли?! Страшно, что творится! — вошла она в раж.

Ее слова напомнили Ники о вчерашнем событии. Как в пьяном угаре один человек чуть не лишил жизни своего собутельника. Но подумала она об этом не в том ракурсе, что мир злой и жестокий, а просто, что он — разный.

— Ну, нельзя же грести всех под одну гребенку.

— Да все они одинаковые! Сволочи!

Ника, пожалев, что зря ввязалась в бессмысленный разговор, не боясь показаться бестактной, молча встала и ушла из парка.

Эта, откровенно скверная, старушонка своим брызжанием немного сбила захлестнувшую Нику волну безудержной радости. Но вскоре, придя домой и предавшись фантазиям насчет завтрашней встречи с любимым, ее душа вновь взмыла в пушистые облака счастья.

Вопрос “что одеть в этот волнующий вечер?” встал так же остро, как и в день перед первым свиданием. Правда, теперь к ней на помощь в этом не легком деле пришла Ольга. Специально для этого она пораньше приехала к Нике.

— Так как сегодня намечается не романтический ужин при свечах, а домашнее застолье в кругу старых добрых друзей, то вечерние платья и прочие бальные наряды отпадают, — вживаясь в роль имидж-консультанта, постановила Ольга, — надо что-то простое, но элегантное. Что-то сексуальное, но не вульгарное!

— Джинсы? — вопрошающе посмотрела на нее Ника.

— Джинсы — это вариант. Но джинсы бывают разные, — подошла к разложенным на кровати вещам Ольга, — одень вначале эти, потом эти и эти, — выбрала она трое подходящих на ее взгляд.

— А может, бриджи попробовать?

— В бриджах ты с ним на пикник куда-нибудь в лес поедешь. Давай, вскакивай, — указала на первую пару новоиспеченный имиджмейкер.

Ника покорно натянула на себя обтягивающие светло-голубые джинсы.

— Ну-ка, повернись. Так, попка подчеркнута. Бедра — хорошо.... А ну, спусти их немного ниже. Отлично! Оно!

— Что? Нормально, да?

— Одень еще и эти двое, на всякий случай. Но мне кажется, пойдешь ты в этих, красавица.

Ника, как на показе мод, переодеваясь и дефилируя перед своей оценщицей, перепробовала практически весь свой арсенал одежды и обуви.

— Конфетка! — восторженно воскликнула

Ольга, когда они закончили комбинировать Никин наряд.

— А ты уверена, что эта кофточка не будет выглядеть вызывающе? — засомневалась Ника, что облегающая, с глубоким декольте и множеством пуговиц, кофта подходит для сегодняшней встречи.

— Конечно, будет! Нам это и надо! Мы должны вызвать у него желание. Страстное желание, — шутливо, придавая голосу сладострастный мотив, протянула Ольга.

— Я серьезно!

— И я, серьезно. Ты только представь — вы остались вдвоем. Он медленно подходит к тебе. Целует тебя. На этот раз не в щеку! И начинает медленно пуговицу за пуговицей расстегивать твою кофточку..., — не меняя интонации, прищурив глаза, продолжила “издеваться” Ольга.

— О-ой. О-ой. Выйди из транса, — перебивая свою “возбужденную” подругу, сказала Ника, — и кто тебе сказал, что мы останемся с ним наедине? Я с вами домой поеду!

— Ну, и дура, — так же шутя, по-дружески

обозвала ее Ольга.

— А ты — маньячка!

— Ничего я не маньячка! Я просто современный человек!

— И на какой же день вы с Олегом переспали, современная моя?!

— Через три недели. Но тогда времена другие были.

— Да! Три года назад динозавры еще ходили!

— Ну ладно, ладно! Долго я его мучила. Теперь понимаю, что зря!

— Хорошо, надену эту кофточку! Если ты так настаиваешь, — согласилась Ника, — Но секс, милая моя, все равно глупо планировать. Это должно случиться не принужденно.

— А кто говорит о планировании? Пусть все случиться само собой!

— Сегодня ночью! Да?!

— Нет! Завтра утром! — засмеялась Ольга.

Еще немного покрасовавшись перед зеркалом, Ника начала прятать остальную одежду обратно в шкаф.

Ольга, довольная тем, как она справилась со своей работой, достала мобильный телефон и позвонила Олегу.

— Да, моя дорогая! Где вы? — поднял он трубку.

— Принцессу нарядили, сейчас будем выезжать.

— Хорошо, наберешь меня, когда подъедете к управлению, я выйду.

— Мы уже скоро — двадцать минут.

— О'кей!

— Зай, только давай, чтоб мы тебя не ждали, ладно?

— Я же сказал, позвонишь мне и я сразу выйду.

— Ну, хорошо. Целую!

— Пока.

— Так, Золушка, пора на бал, — встала с кровати Ольга, на которой она располагалась пока руководила “показом мод”, — может, заедем в магазин по дороге? А то, как-то с пустыми руками неудобно!

— Я спрашивала у него: “может что-то с собой взять?” Он сказал, что “не надо, у меня все есть!” — ответила Ника, не отрываясь от зеркала, подкрашивая губы.

— Хорошо живет, раз все есть, — пошутила Ольга, — все равно, надо что-нибудь купить. Может, торт?

— Давай, торт!

— Порадуем мальчика сладеньким, — не желала усмирять свой сарказм Ольга.

— **П**ривет, Ника, — поздоровался Олег, садясь

в машину.

— Олег! Я же просила! Мы уже полчаса тебя ждем, — высказала свое недовольство Ольга, — ты как всегда!..

— Во-первых, не полчаса, а всего минут десять. Во-вторых, я спешил как только мог. Или я должен был сказать начальнику: “Хватит мне парить мозги своими наставлениями, меня девушка ждет”?

Ольга, делая недовольный вид, повернула ключ в замке зажигания. Когда машина завелась, она резко тронулась с места, показывая свою нервозность.

— Зайка, ты давай аккуратней. А то не до-

везем сказочному принцу его суженную, — спокойно отреагировал на это Олег.

— Не обращай на нее внимание. Это она от того, что соскучилась, на тебя нападает, — оправдала Ника поведение Ольги.

— Да, соскучилась! Мы ж ведь с самого утра не виделись, — с иронией сказала Ольга.

— Как там доблестная милиция? Нас бережет? — разбавляя тему семейной склоки, спросила Ника.

Олег Суховой работал следователем в городском управлении милиции и по совместительству был женихом Ольги. Ника очень уважала Олега за его простое отношение к жизни. Он никогда не усложнял и ко всему старался относиться с юмором.

Ольга же была его полной противоположностью. Что, по сути, и притягивало их друг к другу.

— Конечно, бережет, — бодро ответил Олег, — только некоторые этого не ценят, — игривым

взглядом показал он на Ольгу.

— Мне хватает, что он дома меня оберегает,
— вставила та свою реплику.

— Ой, Олежек, лучше не цепляй ее. А то мы всю дорогу будем слушать, какой ты “хороший”, — сказала Ника.

— Да ну, разве я могу ее цеплять? Я люблю ее больше жизни! — улыбнулся он.

— И даже больше, чем пиво? — наиграно прибеднялась Ольга.

— Может, не больше. Но так же, это точно!

— Вот видишь, Ника, я ему так — к пиву, — продолжала набивать себе цену, как бы ущемленная, девушка.

— Оля, я знаю, как Олег любит пиво. И если он говорит, что тебя любит не меньше, то это уже много!

— Понятно! Вы как всегда против меня сговорились, — подобрела, недавно расстроившаяся из-за опоздания своего парня, Ольга.

Так, мило “покусывая” друг друга, молодые люди подъехали к дому, в котором жил Богдан.

— Какой этаж, — спросил Олег, когда они вошли в лифт.

— Восьмой, вроде бы, — неуверенно ответила Ника.

Выйдя на восьмом этаже, они подошли к квартире, и Ника нажала на кнопку звонка.

К шокирующему удивлению всех троих дверь им открыла молодая девушка лет шестнадцати. Она была в домашнем шелковом халате и пушистых, в виде слоненка, тапочках.

Растерявшись, гости застыли на месте.

— Спокойно! Я сестра, — улыбаясь, сказала девушка, видя их очумевшие от неожиданности физиономии, — проходите. Богдан на кухне. Меня Лера зовут, — представилась она, когда те вошли в квартиру.

Ника, отойдя от микро-шока, тоже расплылась в улыбке.

— Ника, — протянула она руку симпатичной девчонке.

— Очень приятно, — с явным любопытством, уделив ей особое внимание, ответила сестра Богдана.

— Олег.

— Ольга, — последовали за Никой, ее друзья.

— Лера, проведи гостей в зал и иди помоги мне, — прозвучал из кухни, голос Богдана.

— Проходите, — махнула рукой в сторону гостиной девушка и хотела уже мчаться “на выручку” к брату.

— Я помогу, — остановила ее Ника.

Олег и Ольга, в сопровождении младшей сестры Богдана, прошли в достаточно просторную гостиную комнату. Пара уселась на широкий диван, а Лера заняла место в кресле, стоящем напротив через стеклянный журнальный столик.

Ника же пошла на кухню, где ее взору предстала умиляющая до боли картина. Ее любимый, в припорошенном мукой фартуке и кухонных рукавицах, “колдовал” над микроволновой печью.

Заметив боковым зрением, что кто-то зашел на кухню, он достал из печки большую тарелку, на которой румянилась пицца, и поставил ее на стол.

— Лер, нарежь пиццу, — попросил Богдан, думая, что сзади него стоит сестра, ждущая от него указаний, — Ой. Ника, — улыбнулся он в приятном изумлении, повернувшись лицом к вошедшей девушке.

— Привет! Классно выглядишь!

— Если честно, я не очень хотел, чтобы ты меня таким видела. Поэтому и попросил Леру открыть дверь.

— Каким — “таким”? Мне лично очень нравится! — сказала Ника, — а с сестрой интересно получилось. Ты мне не говорил, что у тебя есть сестра!

— Разве?

— Точно!

— Ну, значит, ты не спрашивала.

— Вы вместе живете?

— Нет. Она с родителями живет. А здесь у нее как бы своя комната, — начал разъяснять Богдан, — когда я эту квартиру купил, она, естественно, стала приходить в гости. Потом попросила устроить здесь тусу со своими друзьями. Потом еще, еще.... И я подумал, раз квартира

двухкомнатная, а я живу один, дам я ей ключ и пусть будет у подростка такое счастье — место для тусовок.

— Ты — хороший брат!

— Ну, я не просто так ей это позволил. Взамен она периодически убирает, готовит для добренького братика.

— Так ты ребенка эксплуатируешь! А я то, думала....

— Ох. Кто кого еще эксплуатирует?! Вот, я попросил ее приготовить пиццу. А она меня заставила нарезать все эти огурцы, колбасы... и что она там еще туда клала?! Кстати, куда она убежала?

— Я решила ее заменить.

— Ну, тогда держи, нарежь пиццу, — протянул он Нике кухонный нож, — а я пока сниму с себя эту униформу.

Ника принялась нарезать домашнюю выпечку. Богдан, сняв фартук и рукавицы, достал из холодильника упаковку бутылочного пива.

— Готово, — отчиталась Ника, — идем знакомиться?

— Идем, — сказал Богдан, прихватив с собой пиво.

Войдя в зал, Богдан поставил на журнальный столик пиво и протянул руку Олегу:

— Богдан.

— Олег, — немного приподнялся он с дивана, пожимая в ответ руку.

— Ольга, — еле сдерживая пристальный взгляд, представилась, сгоравшая минуту назад от любопытства, лучшая подруга Ники.

— Надеюсь, пиво все пьют? — поинтересовался хозяин дома.

— Некоторые его не только пьют, но и очень любят, — сказала Ольга, указывая взглядом на своего жениха.

— Наш человек! — одобрительно сказал Олег.

— Вот, и замечательно, — произнес Богдан, — так, дите, ты тоже пиво пьешь? — дружественно посмотрел он на сестру.

— Я — не дите! — немного смутившись, тихо ответила Лера.

— Ну, прости. Это я любя, — протянул он

ей бутылку, — да, кто хочет — имеются пивные бокалы? Я просто люблю пить из горла.

— Я тоже из бутылки, — поддержал Олег.

— А мне бокал, если можно.

— И мне, — изъявили желания Ольга и Ника.

— Лер, солнышко, принеси, пожалуйста, — попросил ее брат, — и захвати тарелки для пиццы.

Девушка, быстро прикинув, какое количество тарелок нужно взять, отправилась на кухню.

Ника, обведя комнату взглядом, про себя заметила, что это не та холостяцкая квартира, которую она ожидала увидеть. Свежий ремонт, современная, со вкусом подобранная мебель. Чистенько, аккуратненько. Чувствуется участие женской руки.

Лера вернулась со стопкой тарелок и двумя бокалами для пива. Расставив их на столе, она вернулась в свое кресло.

— Давай, я за тобой поухаживаю, — взял Никину тарелку Богдан и положил на нее кусок пиццы.

— Спасибо!

— Лера, тебе положить? — обратился затем он к сестре.

— Нет, я не буду.

— А, я забыл, ты ж мучное не ешь! Что, даже не попробуешь блюдо собственного приготовления?

— Нет, не попробую! — передразнивая своего брата, ответила Лера, — вы мне потом сами расскажите, как получилось.

— Почему не ешь мучного? — спросила Ольга.

— Слежу за фигурой.

— Ну, один маленький кусочек, это ведь ничего страшного? Тем более, судя по твоей комплекции, ожирение тебе точно не грозит, — стала уговаривать ее Ольга.

— Один кусочек, может, это и не страшно. Но вот так позволишь себе один, затем еще один, и глядишь, комплекция начнет меняться.

— Умничка, — поддержала Ника, уверенно обосновывающую свою позицию, Леру.

— Но ведь хочется? — не отступала Ольга.

— Хочется, — спокойно ответила Лера.

— Так значит, ты одновременно и фигуру сохраняешь и силу воли тренируешь! — с уважением сказала Ольга.

— Получается так! — осталась она довольной собой.

— Лерочка у нас модель! Ее на всякие презентации и показы приглашают, — похвастался Богдан.

— Да?! Так ты в будущем, может, куда-нибудь во Францию или Италию работать уедешь? — спросила Ольга.

— Нет! — твердо ответила юная красотка, — я не собираюсь делать карьеру в модельном бизнесе! Тем более, это не профессия, а не пойми что. Сегодня ты стройная и красивая — хорошо, будешь востребованной. А завтра не дай бог, что случилось и все! Никому ты не нужна!

— Да. И как для модели ты к тому же умная! — сделала комплемент ей Ника.

— Спасибо!

— Ну не обязательно всю жизнь до старо-

сти работать. Год-два, потом выйдешь замуж за какого-нибудь олигарха, и вообще работать не надо, — с откровенным подвохом сказала Ольга.

— Зачем так долго ждать? Это хоть сейчас! — с иронией ответила Лера, — эти горе-олигархи уже сейчас лезут с предложениями.

— Предлагают руку и сердце? — ухмыльнулась Ольга.

— Пока — поужинать в ресторане или покататься на личной яхте. После чего, скорей всего, последовали бы более нескромные предложения.

— Господи, ты же такая молоденькая. Куда эти старикашки лезут? — с нотой переживания за “наивное дитя” произнесла Ника.

— Да мне от них ни холодно, ни жарко! Я на них просто не обращаю внимания, — поспешила успокоить ее Лера, — правда был тут один назойливый ухажер. Все подкатывал на своем кадиллаке с дорожными букетами роз.

— И что ты?! — спросила заинтригованная Ольга.

— Я ему раз — “простите, вы не по адресу”.
Два — “отстаньте, не преставайте”. А на третий — пожаловалась Богдану.

— И? — теперь уже любопытство охватила и Нику.

— Ну, он с ним поговорил, и я его больше не видела!

— Какой у тебя брат, — явно осталась довольная этим ответом Ника, — и что ты ему сказала? — обратилась она к Богдану.

— Сказал, что не красиво взрослому дяде приставать к девочкам, — с сарказмом ответил Богдан.

— И что, этого было достаточно для того, чтобы он отстал?

— Конечно! Ведь я заставил его обратиться к собственной совести. Это самый действенный способ, — шутя, сказал Богдан, отправляясь на кухню за очередной упаковкой пива.

— Приятно видеть, когда у брата с сестрой такие хорошие отношения, — искренне поделилась Ника своими впечатлениями.

— А у тебя есть брат или сестра? — поинте-

ресовалась Лера.

— Нет, я единственный ребенок.

— Родители не захотели больше иметь детей?

— Я думаю, скорей всего просто не успели, — спокойно, с толикой грусти в глазах, ответила Ника, — они погибли, когда мне было пять лет, — разъяснила она, видя вопрошающий, сбитый с толку взгляд Леры.

— Ой, извини, — почувствовала себя неловко девушка.

Богдан принес пиво. Откупорил одну за другой четыре бутылки. Только собрался открыть пятую.

— Мне не надо, — остановила его Лера, — я уже пойду собираться....

— Ты домой, — спросил ее брат.

— Не совсем, — кокетливо ответила та.

— Ну ладно, невеста, — любяще посмотрел на нее Богдан, — только родителям позвони. Обязательно!

— Хорошо, — пообещала Лера, уходя в соседнюю комнату.

Через двадцать минут молодая модель, сменив халат на красное элегантное платье и придав себе макияжем пару лишних лет, зашла в зал, чтобы попрощаться.

— Всем пока, — прервала она оживленную беседу, завязавшуюся под легкий хмель от выпитого пива.

— Пока, — попрощались с ней гости.

— Пока. Не забудь домой позвонить, — вышел в коридор проводить свою сестру Богдан.

Ольга, опьянев, пожалуй, больше остальных, склонилась к уху своей подруги.

— Он реально классный, — сказала она Нике, — красивый, умный! В общем, я одобряю!

— Где можно курить, — спросил Олег у Бог-

дана, когда тот вернулся.

— На балконе или на кухне, если хотите.

— На балкон лучше пойдем, — решила Ольга, — а ты не куришь?

— Нет, не курю, — ответил ей Богдан.

— Еще и не курит! Мечта, а не парень, — посмотрела она на Нику, выходя на балкон вслед за Олегом.

Молодые люди, являющиеся главными героями сегодняшнего вечера, остались наедине.

— Я так понимаю, одобрение подруги ты уже получила?

— Да, она от тебя в восторге! А что Лера сказала насчет меня?

— Эта принцесса завтра прибежит делиться своими впечатлениями. Но насколько я могу судить по ее взгляду, ты ей очень понравилась.

Впервые за все время их недолгого знакомства в разговор ворвалось неловкое молчание. Они думали об одном и том же, но никто из них не мог решиться сделать первый шаг. Тем более что за прозрачной балконной дверью находились их друзья.

— Я отнесу тарелки, — не выдержала Ника.

— Я помогу, — отправился за ней Богдан.

Едва Ника успела поставить тарелки на стол, как сильные руки Богдана взяли ее за талию. Часто дыша от возбуждения, она медленно повернулась к нему лицом и, не терзая себя ожиданиями, прильнула к его губам, растворяясь в волнующем поцелуе.

В этот момент, казалось, их души сплелись в чарующем танце. Ощущения достойные того, чтобы заплакать от счастья, проникли в любящие сердца. И только стук балконной двери, оповещающий о том, что Олег и Ольга вернулись в квартиру, прервал этот волшебный миг.

— Да я тебе говорю, это не так переводится! Fresh — это “свежий”.

— Ты просто дословно пытаешься перевести. В английском, как и в русском, одно и то же слово может означать разное, в зависимости от контекста!

— Что ты мне рассказываешь, я это и без тебя знаю. Но здесь ты однозначно ошибаешься!

— Хорошо, сейчас спросим у людей знающих, — горячо о чем-то спорили ребята.

— Богдан, Ника говорила, ты хорошо знаешь английский? — спросила заведенная бурной полемикой Ольга, — объясни этому “турку”, как правильно переводится это предложение — *Use only fresh water to drink*. Я ему говорю, что “*fresh water*” переводится как “свежая вода”. А он уперся, что — “пресная”.

— В принципе, “*fresh*”, действительно, чаще всего переводится — “свежий”, но Олег прав, в данном контексте перевод звучит — “Пейте только пресную воду”.

— Я ж тебе говорил! Тоже мне еще англичанка. Лишь бы спорить, — высказался Олег.

— Да? Ну и ладно! Я вообще в школе немецкий учила, — легко пережила свою ошибку Ольга, — а ты в институте так хорошо английский выучил? Ника говорила, ты иныз закончил.

— Иныз, конечно, я закончил. Но по-настоящему хорошо английский язык я выучил в Англии. Я там два года работал.

— Переводчиком? — спросила Ольга.

— Нет. Там я работал строителем. И какое-то время конюхом у одного богатого фермера.

— Как? Ты ведь...

— Так же как инженеры работают таксистами, а юристы — охранниками в супермаркетах.

— Понятно, — еще с большим уважением посмотрела на него Ольга, — а зачем вернулся? Говорят, кто туда попадает, уезжать потом не хотят.

— Врут! Причем те, кто там не был. Сейчас, вообще, удивляюсь, как я два года выдержал. Все вокруг не родное. Менталитет кардинально отличается от нашего... Туда хорошо съездить, для того чтобы осознать насколько дома лучше.

— А зачем ты туда поехал?

— За фунтами стерлингов, конечно! По специальности работу я не нашел. А у родителей деньги просить уже было стыдно. Вот и решил куда-нибудь за границу на заработки съездить. И так как в институте я учился на переводчика английского языка, с выбором страны особо му-

чаться не пришлось.

— И как, заработал? — продолжала, увлекшаяся расспросами Ольга.

— Что-то заработал. Но главное не деньги, а то, что я свой предмет за полгода выучил лучше, чем за все пять в институте. Ну и опыт, конечно. Жизненный опыт, который всегда стоит гораздо больше любых денег.

— Интересная у тебя судьба!

— А вот я закончил Высшую школу милиции. И как пришел в управление работать, так семь лет уже на одном месте. Там тебе и Англия, там тебе и Франция, — сказал Олег, и в голосе чувствовалось то, как он доволен положением дел в его жизни, — кстати, у нас недавно по делу убийства проходил один англичанин.

— Да? Как свидетель? — заинтересовался Богдан.

— Нет. К его огромному сожалению, как соучастник. И что-то мне кажется, он сто раз пожалел, что мочканул человека не у себя на родине. Говорят, их тюрьмы сильно отличаются

от наших, — сказал Олег.

— Насколько я наслышан про наши и про их тюрьмы, то этот “товарищ” пожалел не сто, а, пожалуй, тысячу раз, — подчеркнул разницу, содержания заключенных в Британских и отечественных исправительных учреждениях, Богдан.

— Вот, я и говорю. Англичанин привык там к своей пепси-коле, так и нечего нашу водку пить! Раз не умеешь! А то, начинают потом буянить, душить всех подряд, — утрируя, говорил Олег.

— Да не только иностранцы чудят на пьяную голову. Буквально позавчера мы с Никой гуляли, и прямо на наших глазах один алкаш своему товарищу нож в пузо воткнул, — сказал Богдан.

Ника приготовилась выслушать порцию упреков от своей подруги, что она не рассказала ей об этом происшествии. Но винить некого, сама забыла предупредить Богдана, чтобы он не затрагивал эту тему.

— Да?! А ты, Никуля, мне об этом ничего

не рассказывала! — как часы сработала реакция Ольги.

— Ты же знаешь, я не люблю говорить о жестокости, — выбрала твердую защиту Ника.

— Ну, ты не любишь, нам Богдан расскажет. И что? Вы видели, как все было? — переключилась на него любопытная подруга.

Богдан, умеющий излагать подобные истории, придавая им художественный окрас, поведал присутствующим, как все было. За исключением того эпизода, когда Ника приняла непосредственное участие. Он был достаточно проницательным, чтобы понять насколько ей не хотелось бы такого внимания, с непременно последующими за этим вопросами.

Рассказ о недавнем событии на набережной распалил страсти, и Олег, являющийся настоящим гурманом таких историй, не мог удержаться, чтобы не поведать парочку из своей рабочей практики.

— Он может сутками говорить об этих убийствах, кражах и прочей гадости, — сказала Ольга, забыв, как сама только что с удовольсь-

твием слушала эти а-ля “чрезвычайные происшествия”.

— Работа у меня такая, — ответил ей на это Олег.

— Так, сколько время? Олежек, давай наверно собираться, — спохватилась Ольга, заметив, что уже почти полночь, — ничего себе мы засиделись!

— Ну так, за интересной беседой в хорошей компании время летит не заметно, — сказал Богдан, — лично я, ребята, был очень рад с вами познакомиться и пообщаться. Надеюсь, будем дружить домами.

— Никусь, ты остаешься? — задала Ольга вопрос, который был больше похожий на дружеский совет.

Ника на секунду растерялась. Она всей душой и еще больше телом хотела остаться. Но по каким-то, не понятно кем написанным, правилам, остаться на ночь у парня, которого так мало знаешь, как бы нехорошо.

“Кто придумал все эти рамки?” — думала, встревоженная ситуацией Ника, — “Два взрос-

лых человека, которые уже после десяти минут общения все для себя решили, из-за каких-то норм морали, сами же все и усложняют! Почему я, желающая уснуть в его объятьях, не могу просто сделать выбор в пользу своих искренних чувств?! Так нехорошо! Порядочные девушки, так не поступают! Вон Олька, почти месяц играла в эту порядочность. И что? Кому это надо, и кто оценит это самоистязание?!”

Богдан застыл в ожидании ответа, понимая всю пикантность ситуации. Естественно, он безумно хотел, чтобы Ника осталась с ним. Но он также не мог уподобиться безмозглому гопнику и начать уговаривать свою любимую девушку не уезжать.

— Нет, я все же поеду. Завезете меня домой?
— еле выдавила из себя Ника, говоря “правильные” слова.

— Завезем, — вздыхая, ответила Ольга.

— Дружище, очень приятно было с тобой познакомиться! — крепко пожимал Богдану руку Олег, — все, теперь мы ждем вас в гости с Никой.

— Договорились, — отвечал тот, делая вид, будто совсем не расстроен из-за того, что Ника его покидает.

— Пока, — попрощалась Ольга.

— Спокойной ночи, — подошла к нему Ника, и крепко поцеловала его в губы.

— Где уж там, — ответил он ей так тихо, чтобы слышала только она.

— **Д**авай сюда ключи от машины, — сказал Олег, никогда не пускавший Ольгу за руль, если она хоть немного выпила.

— Держи, — покорно передала она ему ключи.

Ника шла молча, терзая себя сожалениями, что все таки решила уехать.

— Чего приуныла? — заботливо спросил Нику Олег, когда они сели в машину.

— Я просто устала, — соврала, углубившаяся в любовные мечты девушка.

Ольга издевательски ухмыльнулась, догадываясь о причине расстройства своей подруги.

— Ничего, сейчас отвезем тебя домой. Там доберешься до мягкой постели и отдохнешь.

Тем более завтра выходной, выспишься, — подбадривал ее Олег.

— А ты завтра дома? — спросила Ольга у своего парня.

— Нет, любовь моя. Я завтра на сутках.

— Опять?! — по-детски застонала Ольга.

— Не опять, а снова. Зато потом у меня будет два выходных. А может, еще и отгул возьму на денек. Так что, готовь культурную программу.

— Только надо будет у тебя телефон отобрать. А то сто процентов на какое-нибудь усиление вызовут, — сказала Ольга.

— Да я его вообще выключу. И на целых три дня я только твой!

Олег остановил машину возле Никиного подъезда. Девушка попрощалась со своими друзьями. И выходя из автомобиля, по привычке пыталась нащупать свою сумочку, которую обычно кладет рядом с собой на сидение. С радостью обнаружив, что забыла ее у Богдана, она не выказывая этого, медленно пошла к своему дому.

Задержавшись у дверей, делая вид, что на-

бирает код домофона, Ника дождалась, пока Олег с Ольгой скроются за поворотом. Затем, выйдя на проезжую часть стала ловить такси, для того чтобы вернуться к любимому, имея теперь для этого совершенно безобидный повод.

Богдан уже был в постели, когда в его квартире раздался звонок. Он посмотрел на часы — без пяти минут, час ночи.

Первая мысль о том, кто может прийти в такое время: “Лера. Но она всегда вначале звонит на мобильный, предупреждает, чтоб не нагрянуть в неподходящий момент. И потом у нее есть ключ ”.

Натянув джинсы и накинув на плечи рубашку, не застегивая ее, он пошел к двери. По халатной привычке или из-за чрезмерной уверенности в себе, не спрашивая “кого там принесло?”, он открыл дверь.

Увидев Нику, он обрадовался и растерялся одновременно. Ее красивая улыбка разила в

самое сердце, а читающееся в глазах волнение вызывало жгучее желание обнять и крепко прижать к себе это прекрасное дитя.

— Я сумочку у тебя забыла, — сказала она подобно тому, как школьники оправдываются перед учителем за то, что оставили дома дневник.

Богдан, прибывая в плену очарования, не произнося ни слова, взял ее нежно за руку и плавным движением, будто в танце, притянул к себе.

Волна возбуждения прокатилась по всему телу, когда ее щека коснулась оголенной мускулистой груди Богдана. Обняв его крепко за талию, Ника наслаждалась мгновениями, которые нельзя воссоздать искусственно, а можно лишь пережить с любимым человеком.

Аккуратно, чтобы не потревожить прильнувшую к нему девушку, Богдан захлопнул входную дверь.

Ника, скользя губами вверх, поцеловала его в шею. Затем, взявшись за воротник рубашки, не торопясь, как бы нерешительно, стащила ее

с его плеч.

Она больше не мучила себя глупостями из разряда — “правила поведения для примерных девочек”. Отдаваясь во власть своих чувств и желаний, она просто запретила себе думать. Они были вдвоем. Только два любящих сердца, и никаких предрассудков.

Сбросив рубашку на пол, Богдан подхватил ее на руки.

Положив голову на плечо, которое от напряжения приняло еще более рельефную форму, Ника предвкушала реализацию своих сексуальных фантазий.

Еще никого и никогда она не хотела так сильно. Она была уверена, что секс и любовь куда более яркое сочетание, нежели секс ради секса. И вот теперь, впервые в ее жизни, несравнимые ни с чем ощущения проникали к ней в душу, разжигая тем самым сладострастие в теле.

Богдан, подойдя к кровати, поцеловал трепещущую в его руках Нику.

Его сознание еще не до конца верило в то, что это не сон. Он с придыханием, боясь пробу-

диться, пестовал самый красивый и желанный цветок, который он когда-либо держал в своих руках.

Опустившись с ней на кровать, он продолжал целовать ее. Его рука, глядящим движением, от бедра проследовала к упругой груди, сексуально подчеркнутой удачно подобранной кофточкой.

Но, даже чувствуя ее желание, он не торопился рвать на ней одежду. Аккуратно расстегивая пуговицы на ее блузке, спускаясь в низ, он целовал ее шею, затем обнажившееся плечо и грудь, которую все еще скрывал лифчик. Оголив сосок, он начал ласкать его языком. И первый возглас от наслаждения пробудил еще больше страсти в молодом человеке.

Затем вновь слившись в горячем поцелуе, он расстегнул пуговицы на ее джинсах и запустил руку в ее стринги.

Ника застонала еще громче, когда пальцы опытного мужчины прикоснулись к ее клитору.

Она испытала первый оргазм в объятиях своего любимого человека.

Расстегнув молнию на его джинсах, одним движением спустила их и нижнее белье до колен. Обхватив рукой возбужденный член, она провела по нему языком. Потом, полностью сняв с Богдана одежду, избавилась и от оставшихся деталей своего гардероба.

Ника легла на спину, желая отдаться ему полностью.

Богдан, ощущая, как все ее тело откликается взаимностью на его прикосновения и ласки, вошел в нее.

Волна блаженства, подарившая очередной еще более сильный оргазм, унесла Нику в мир, где время теряет силу, а наслаждение не знает границ. Иная реальность. Удовольствие, от которого можно сойти с ума, проникло в каждую клеточку ее организма.

— Ты — Бог! — уже практически не контролируя себя, прокричала Ника, растворившись в очередном оргазме.

Эти поощряющие мужское эго слова, довели возбуждение до предела.

— В меня, — с силой обняла его Ника, видя,

что он находится на грани.

Богдан, усилив давление и проникая еще глубже, чем раньше, кончил в девушку, которая не ослабляла своих объятий.

— Я была в раю, — тяжело дыша, произнесла Ника, — мне ни с кем не было так хорошо, как сейчас.

Он хотел ответить — “мне тоже”. Но счел, что в данном случае слова излишни. Нежно, с любовью, он поцеловал ее в губы, и затем крепко прижал к себе, давая бессловесный ответ на ее признания.

Прошло три месяца с тех пор, как Ника и Богдан познакомились. С течением времени они становились только ближе и родней. Их чувства не угасали, как и прежде радуя своей остротой. Они любили друг друга и даже не представляли, что могло бы им помешать быть вместе.

Но, под грузом чудовищных испытаний, которые в очередной раз выпали на долю Ники, их счастье разрушилось с легкостью карточной пирамиды.

Вопрос “почему именно я?” — пожалуй, самый бессмысленный вопрос во Вселенной. Разгорающиеся войны уничтожают мирные селения. Природные бедствия нещадно уносят жизни сотен, а то и тысяч, ни в чем ни повинных людей. Несчастные случаи калечат судьбы тех, кто, казалось бы, ничем этого не заслужил.

Событию — есть причина. Война может протекать на религиозной почве или быть многомиллиардным бизнесом. Толчком для цунами служит взорвавшийся где-нибудь в океане вулкан. Несчастный случай — это стечение фатальных обстоятельств. Но пострадавшие от того или иного кошмара никогда не смогут найти точный ответ на вопрос “почему это произошло именно

со мной, моими родными и близкими?».

Самым распространенным мнением является, что беды, которые обрушиваются на человека — это кара Всевышнего за его дела злые или, как минимум, жизнь несправедливую. Но в таком случае, трудно понять логику этого Всемогущего, когда он жесточайшим образом обошелся с чистейшей души человеком, когда лишил ее дочери и заставил лицезреть страдания осиротевшего ребенка.

И вот теперь, видимо, посчитав, что добрая и сострадательная к чужому горю девушка не достаточно натерпелась в детстве, и решил вывернуть наизнанку ее белую до этого душу.

Как быстро могут по-
меркнуть огни жизни. Какое безумие врывается в сознание, когда все во что верил, чем дышал и искренне любил, разлетается вдребезги. И вдруг весь мир, который представлялся несравненной по красоте картиной, превращается в мрачную мозаику из черной потрескавшейся краски.

Абсолютно голая Ника сидела на полу посреди комнаты своей квартиры. Прибывая в состоянии шока, она пыталась осмыслить произошедшее. Душевная боль с каждой секундой становилась все сильнее. И по мере того как она снова и снова прокручивала в голове пережитое сейчас и в пятилетнем возрасте, нарастал ураган неконтролируемых эмоций, затмевая ее разум.

Еще полчаса назад все было как обычно. Ее разбудил звонок Ольги, которая уже направлялась к ней перед институтом. Как всегда открыв замок входной двери, Ника пошла в душ. Но услышав, что кто-то вошел в квартиру, обмотавшись полотенцем, выглянула из ванны. Ее

насторожило то, что с Ольгой она разговаривала три минуты назад и та сказала, что только выехала. За такой короткий промежуток времени она никак не могла добраться до Никиного дома.

Обнаружив в своей квартире присутствие двух мужчин, она по святой наивности решила, что парни просто перепутали адрес и случайно попали не в ту квартиру. Ника не торопилась пугаться и с улыбкой поприветствовала случайных гостей.

Но хватило пары секунд, чтобы те своими действиями развеяли ее заблуждение. Тот, который находился к ней ближе, одной рукой схватил ее за шею, а ладонью другой закрыл ей рот.

— Не ори, а то хуже будет, — угрожающе прошипел он и потащил ее в комнату.

— Ух ты, какая цыпочка, — удивился, успевший проникнуть в комнату и приступить к “осмотру” имеющихся шкафчиков и шкатулок, третий из “гостей”.

Ника сообразила, какова цель визита этих

парней и больше удивилась, чем испугалась. Она раньше не могла даже представить, что с ней может подобное случиться.

— Ребята, да у меня и брать-то нечего, — произнесла она дружелюбно, стараясь даже с грабителями найти общий язык.

— Нечего, говоришь? — достал из шкатулки золотую цепочку и другие украшения один из грабителей.

Ника пожала плечами, откровенно недоумевая, как из-за таких копеек можно идти на преступление. Но когда тот, который притащил ее в комнату, сорвал с нее полотенце, недоумение уступило свое место тревоге, что это все не шутка.

— Глянь, какое добро, — кивнул он своему подельнику, — а говорит, брать нечего!

Тот положил драгоценности в карман своего пиджака и, со взглядом озабоченного маньяка, подошел к Нике.

— Не бойся, мы тебя не обидим. Только сделаем хорошо и уйдем.

— Вы забрали золото, там, в сумочке, деньги,

— уже более серьезным голосом сказала Ника,
— берите и идите своей дорогой. Я в милицию
заявлять не буду.

— Конечно, не будешь! А то мы ведь можем
еще разок к тебе заглянуть.

Никку будто окотили ледяной водой. Она сто-
яла совершенно нагой перед какими-то подонка-
ми и ощущала себя беспомощной, хотя ее силы
хватило бы, чтобы размазать их по стенкам. Но
она не решилась использовать свой дар, так как
ее сознание не могло принять то, что он может
быть использован для разрушения.

И когда один из этих ублюдков протянул
руки к ее груди, она испытала настоящий ужас.
Только раз в жизни она была в таком состоя-
нии. Эмоции, которые Ника переживала в этот
момент, могли лишить ее контроля над собой и
своей невысказанной силой. И теперь она поняла,
что когда-то это привело к гибели ее родите-
лей.

Она буквально впала в ступор. Вся ее все-
ленная перевернулась с ног на голову. В одно
короткое мгновение великолепные цветы, на-

полняющие ее душу, обратились в пепел и озаряющий путь свет добра, растворился в адском кошмаре новой реальности.

Ника практически не сопротивлялась, когда двое парней повалили ее на пол. Словно покинув свое тело, она со стороны наблюдала, как походившие на животных насильники делали свое дело.

В комнату вошел третий грабитель и, не тратя время на раздумья, тоже накинулся на девушку, которая из последних сил сдерживала свою ярость, чтобы одним только взглядом не уничтожить всех троих.

Позже это бездействие станет причиной душевраздирающего чувства вины и призрания к самой себе из-за того, что позволила себя унижить и растоптать, которые искоренят в ней последние ноты доброты и милосердия.

Через десять минут после того, как эти удовлетворившие свой животный инстинкт твари покинули квартиру, пришла Ольга. Прибывая в хорошем настроении, как всегда, разуваясь в коридоре, она окликнула свою любимую подругу,

— Привет, красавица! Ты где?

Не услышав ответа, она прошла в комнату. После секунды замешательства, она бросилась к Нике, которая лежала на полу, свернувшись в клубок.

— Ника, солнце, что с тобой? Что случилось?
— опустилась она рядом с ней на колени.

Она лежала молча и неподвижно, не реагируя на взволнованную подругу. В ее глазах была

пустота, и лицо не выказывало никаких эмоций. Но это только внешне, так как в душе и сознании бушевал ураган, по силе не знающий себе равных.

— Тебя обворовали, — увидела Ольга вывернутые ящики и беспорядочно разбросанные вещи, — кто это был? Ты их запомнила?

“Это были люди” — подумала Ника — “люди, которых я любила, не смотря на их недостатки. Люди, которых я всегда старалась понять и хотела помочь каждому, кто в этом нуждался. Это были люди, изнасиловавшие не только мое тело. Они лишили меня веры. Веры в добро, которое всеми силами мне прививала моя бабушка, убедив меня в том, что добро всегда порождает добро. И вот теперь ком добра, что рос и расцветал под теплыми лучами взаимной любви, разбился о жестокую правду жизни, скрытую от меня до этого момента”.

— Я звоню Олегу! — моментально сообразила Ольга, кого надо звать в данном случае.

— Никому ты звонить не будешь! — сухо и монотонно произнесла Ника, не переводя

взгляд, — принеси водку.

— Никуля, у тебя стресс. Олег знает, что надо делать в таких случаях.

— Пожалуйста, пойдй, купи водку, — не меняя интонации, но твердо попросила Ника.

— Хорошо, я сейчас. Но надо позвонить в милицию, — стала упрашивать Ольга, укутывая одеялом свою подругу, — давай переберемся на кровать.

Завернувшись в одеяло, Ника легла на кровать.

— Ну так что? — вопросительно смотрела на нее Ольга, сжимая в руке мобильный телефон.

— Никуда звонить не надо! Просто принеси водку!

Ольга отправилась в магазин, находящийся рядом с домом. Только выйдя из подъезда, она поддалась эмоциям и заплакала. Следы от рук, засосы на шее и засохшая сперма — все это свидетельствовало об изнасиловании. Как женщина она понимала и боялась представить то, что может сейчас испытывать ее подруга.

Конечно, она не станет лезть к ней в душу

и расспрашивать об этом. Ольга хотела хоть как-то помочь и, в данном случае, даже без просьбы, сама настояла бы на том, чтобы Ника выпила спиртного.

Вернувшись с бутылкой водки и двумя пакетами сока, Ольга поспешила к Нике, считая, что в данный момент лучше не оставлять ее на долго одну.

— Сейчас принесу стаканы.

Пока Ольга была на кухне, Ника откупорила бутылку и из горла стала пить крепкий напиток, обжигая себе горло.

— Никуль, все будет хорошо, — вернулась с двумя стаканами Ольга, — ты главное не уходи в себя. Ладно?!

Ника впервые посмотрела во влажные глаза своей подруги. Она видела в них искренность, но только теперь это порождало мысли, которые еще больше угнетали ее.

“Сколько раз я точно так, с искренностью и сочувствием, относилась к чужому горю. Мне казалось, что я способна понять их страдания. Но как же я ошибалась! Боль отдельного че-

ловека — это только его боль! И никто во всем мире не в состоянии разделить ее с ним. И как, оказывается, противно, когда осознаешь, что никому не дано даже на сотую часть понять — что ты испытываешь. Но они все равно тебе говорят — все будет хорошо!”

Эти мысли вызвали отвращение к самой себе, к Ольге и ко всему миру, который, как оказалось, построен на сплошном абсурде недопонимания.

— Пожалуйста, уйди! Я хочу побыть одна, — глотая ком в горле, выдавила из себя Ника.

— Я не хочу оставлять тебя одну!

— Ты слышишь меня?! Уходи! — покатила слеза по ее щеке.

— Ладно. Только ты сразу позвони мне, если тебе что-то понадобится.

Когда Ольга вышла из квартиры, Ника нашла себе полный двухсотграммовый стакан водки и выпила его залпом.

Она осталась наедине со своими мыслями. Теперь они были кардинально противоположны тем, которые всю жизнь до этого дня напол-

няли ее сознание. И самое страшное, что она увидела мир куда более скверным, чем та бабка, созерцающая алкашей и переполненные мусорные баки.

Ника впустила ненависть в свое сердце, и это грозило тем, что ее созидаящая сила могла превратиться в силу зла. А зло, как известно, не чтит границ и рамок, имея одну только цель — проявляться!

Морально изможденная и уже достаточно охмелевшая, Ника уснула, что хоть на какое-то время избавило ее от душевных терзаний.

Ближе к полудню, когда солнечные лучи стали проникать через окно в комнату, она пробудилась. Тяжелый груз снова лег на ее сердце, когда вернулось понимание, что все с ней случившееся не кошмарный сон, а уничтожающая, грязная реальность.

Ника испытала отвращение к своему телу, когда увидела на нем напоминания об изнасиловании. Она будто снова ощутила прикосновения потных рук своих палачей. То, как они облизывали ее грудь и шею, хватали за волосы,

когда по очереди кончали в нее, шокирующими вспышками всплывало в памяти.

Стыдясь самой себя, она снова обернулась в одеяло и, не отдавая отчета своим действиям, пошла в душ. Слезы полились из ее глаз, и истерика захлестнула девушку, сидящую на корточках в душевой кабине. Затем, сбросив с себя промокшее насквозь одеяло, охваченная безумием, Ника схватила мочалку и с силой стала тереть между своих ног.

Торнадо раздирающих разум мыслей еще с большей силой ворвалось в ее сознание. Она подумала о Богдане, и удары сердца стали болезненным эхом передаваться в растоптанную душу. Ника не представляла, как сможет теперь посмотреть ему в глаза.

Ей казалось, что все вокруг, кто с жалостью, а кто с презрением, будут указывать на нее пальцем. И любимый, который еще недавно восхищался ее совершенством и чистотой, станет прятать от нее взгляд, стараясь поскорей избавиться от испорченной безделушки.

Под действием подобных умозаключений она

разозлилась на своего парня, на своих друзей и, тем более, на своих врагов, которые наверняка упивались бы злорадством.

Невыносимая душевная боль сводила Нику с ума, и желание, любым способом избавиться себя от мучений, породило спонтанное намерение покончить с собой.

Подойдя к висящему над раковиной зеркалу, будто гипнотизируя себя пристальным взглядом, она взяла с полки оставленный когда-то Богданом бритвенный станок.

“Какая ирония, лишить себя жизни предметом, который принадлежит любимому человеку. Сколько раз лезвия этой бритвы прикасались к его лицу, избавляя от ненужной щетины. И теперь им предстоит вырезать из его жизни заклеянную несмываемым позором девушку”.

Эта промелькнувшая в ее голове мысль породила волну внутреннего протеста. Она вдруг погрузилась в то состояние, когда чувство жалости к себе затмевает все остальное.

“Нет! Это я — жертва! И с чего это я думаю о нем, как о пострадавшем?! Это меня изна-

силовали! Я пережила унижение, и мне с этим жить! Причем здесь все остальные?!”

Жалость к себе переросла в обиду, а та в свою очередь передала эстафету безудержной ярости. Ника с силой кинула бритву в зеркало, и оно разлетелось на множество осколков.

— Нет! Не я должна умереть! — сквозь зубы прошипела она.

Месть по своей природе ни что иное как одержимость. Она овладевает человеком, который нуждается в надежде на то, что свершив акт возмездия, он утолит боль, терзающую его душу.

Выражение “Мечь — это блюдо, которое подают холодным” придумали слабаки, старающиеся таким образом оправдать свое бессилие. Они утешают себя: “Ничего придет время, и мы поквитаемся! Я выжду подходящий момент и тогда...!” Но этот самообман призван лишь для того, чтобы легче снести полученное унижение.

А когда человек обладает реальной силой, то он не затягивает с тем, чтобы покарать свое-

го обидчика и под давлением свежих переживаний, как правило, избирает самый жестокий для этого способ.

Намерение отомстить
Ника сделала своим

новым смыслом жизни, тем самым похоронив остатки предубеждений на тот счет, что ее сила должна служить исключительно добру.

“Как можно называть даром то, что лишает тебя родных людей. Это проклятье! И раз я проклята, то нечего строить из себя Деву Марию! Я заигралась до того, что позволила себя распять, подобно Христу, который добровольно залез на крест, хотя и имел силу, способную защитить его.

Но я не Иисус, и мне теперь эта иллюзия доброго безгрешного мира противна. Я покажу им Голгофу во всей красе! Эти твари пожалеют, что родились на свет!”

И чем больше Ника углублялась в подобные мысли, тем легче становилось на ее сердце, которое чернело с каждой секундой.

Не смотря на то, что был разгар солнечного дня, Ника включила свет во всех комнатах. Ей хотелось делать все не так как положено. Революция в ее сознании достигала критической точки, и старый образ, доброй и правильной милашки, начал вызывать у нее отвращение.

Допив оставшуюся водку, она стала одеваться.

Перед выходом из дома, она заглянула в свою сумочку, и кошелек в ней не оказался. “Ответственные” грабители не забыли его забрать даже после того, как получили “бонус” в виде красивой сексуальной девицы.

Абсолютно не переживая по этому поводу, Ника отшвырнула сумочку в сторону.

Задержавшись в коридоре, она посмотрела на себя в большое овальное зеркало. В отражении была все та же миловидная светловолосая девчонка, только глаза ее уже не сияли добротой, а напротив, излучали откровенную ненависть ко всему существу.

— Птфу, — плюнула она в зеркало, и то раскололось на две части.

Ей хотелось поскорей внести изменения в свою внешность, и первым делом Ника отправилась в салон красоты.

Раньше, в целях адекватной экономии, она посещала не слишком дорогие салоны, но теперь, когда исчезли моральные запреты, Ника решила брать все самое лучшее.

В центре столицы находился шикарный косметический салон с примитивным названием “Клеопатра”. Цены там, даже на самые скромные услуги, были заоблачные, и простая студентка, не “подогретая” богатыми родственниками, не могла себе позволить такую роскошь.

Ника всего один раз, по незнанию, зашла туда сделать маникюр. Но когда ей за это при-

шлось заплатить в десять раз дороже, чем где либо, идея стать клиенткой этой навороченной парикмахерской больше ее никогда не посещала.

Сегодня же все изменилось. В городе, стране и во всем мире не было того, что Ника не могла бы себе позволить.

Она приехала на такси к богатому входу в “Клеопатру”. Водитель, инфантильный сорокалетний мужичок, не поворачивая голову, глядя в зеркало заднего вида, назвал сумму, которую девушка должна была заплатить за поездку.

— Поспи немного, — прикоснулась она к его плечу, и тот моментально расплылся по сидению, — скоро поедем дальше.

Ника вошла в помещение, где автоматически-натянутой улыбкой ее встречала женщина администратор, сидящая за большой полукруглой стойкой.

— Здравствуйте, — поприветствовала она потенциальную клиентку.

Промолчав в ответ, Ника прошла мимо нее в зал, где, не раздумывая, уселась в свободное

кресло.

— Вы по записи? — удивленно проследовала за ней администратор.

— По записи! — высокомерно наглым тоном ответила Ника.

— Вы на какое время записаны? — подошла она ближе.

— На сейчас, — посмотрела в ее глаза Ника, и лицо женщины сразу потеряло живые эмоции.

— Леночка, займись этой девушкой, — с мимикой бесчувственного зомби распорядилась администратор и удалилась на свое место.

— Что будем делать? — любезно спросила молоденькая девушка.

— Менять имидж, — попробовала Ника выдать из себя улыбку.

Девушка продолжала смотреть вопрошающе, дожидаясь конкретных указаний.

— Прическу делаем наполовину короче и красим волосы в черный цвет, — предвкушая кардинальные перемены, сказала Ника.

— Не жалко? — взяла в руки шевелюру своей

клиентки стилистка, и прикинула, что придется отрезать около тридцати сантиметров роскошных вьющихся без всякой химии волос.

— Так, милая! Давай сделаем следующим образом — я говорю, что нужно делать, а ты не задаешь дурацких вопросов.

Девушка, явно не ожидавшая услышать подобное в ответ на свой, казалось бы, безобидный вопрос, изменилась в лице и едва не прослезилась от расстройства.

— И дам тебе бесплатный совет, — продолжила Ника, — купи себе пачку чупа-чупсов и каждый раз, когда будешь кого-то стричь, затыкай себе ими рот.

Еще никогда в своей жизни, ни с одним человеком, она не разговаривала в подобном тоне. Даже с теми, которые пришли ее грабить и насиловать, Ника изначально была любезной. А теперь юная кроткая девочка получила порцию грубости за то, что сделала комплемент ее шикарным волосам, которыми она сама раньше гордилась.

— Простите, я не хотела Вас обидеть.

— Просто молчи, — прервала ее Ника. Но теперь это была больше просьба.

На какое-то мгновение она испытала чувство вины и сразу испугалась, что добрая и жалостливая гуманистка снова возьмет над ней верх. А это грозило возвращением в ад, из которого ценой собственной души ей удалось выбраться.

Ника схватила ножницы и, отрезая длинные локоны, стала нервно бросать их на пол.

— Видишь, все достаточно просто! — со злобной ухмылкой сказала она девушке, которая растерянно стояла возле нее, — начало положено, дальше давай сама, — протянула она ей ножницы.

Та, боясь в очередной раз вызвать гнев достаточно неординарной клиентки, стала примечаться, соображая, что можно сделать с беспределом, который устроила на голове ее хозяйка.

Призвав на помощь весь свой талант, девушка неплохо справилась с заданием, и прическа получилась весьма стильной. Затем, по Никиной указке, она покрасила ей волосы в черный цвет.

— А теперь дай мне косметичку, — попросила Ника, — ты все равно не поймешь, какой макияж мне сейчас нужен.

Девушка покорно передала ей набор с тенями и пудрами.

Другие стилисты, работающие в этом зале, стали удивленно поглядывать на то, как странная девица сама наносит себе макияж, что в этом престижном салоне считалось неприкрытым.

Но Ника не обращала на них внимание. Она была сильно занята тем, что помогала перестроению своего внутреннего мира, избавляясь от старого ампула.

По завершении, ее невозможно было узнать. Из зала вышла брюнетка с короткими, чуть выше плеч волосами и выдержанным в темных тонах макияжем.

Подойдя к администратору, которая все еще походила на биологического робота, Ника снова посмотрела в ее стеклянные глаза.

— Тысяча восемьсот гривен, — сообщила женщина, узнав от Леночки стоимость услуг.

— Ну так, давай, — твердо произнесла

Ника.

Загипнотизированная работница салона открыла кассу и, отсчитав указанную сумму, протянула деньги Нике.

— А знаешь что? Давай сюда все!

И женщина тут же выдала всю имеющуюся в кассе выручку.

Забрав деньги, Ника отправилась к такси, в котором ее ждал мирно спящий водитель. Он проснулся, как только девушка хлопнула дверью, забравшись в салон автомобиля.

Продирая глаза, таксист попытался сообразить, что произошло. Но услышав за спиной женский голос, произносящий привычное “поехали”, завел машину и тронулся с места пока в неизвестном ему направлении.

По дороге в ресторан, который Ника выбрала очередным объектом посещения, она думала о том, каким пыткам подвергнет тех, кто измазал грязью ее душу.

Для того чтоб найти их, ей не надо было обращаться в милицию или к частному детективу. Дар ясновидения, который теперь она собиралась использовать, когда только пожелает, мог помочь найти затерянные на планете сокровища Майя, не говоря уже о трех вонючих уродах, пьянствующих в каком-нибудь дешевом баре.

Притормозив у первого приглянувшегося ресторана, Ника хотела просто выйти из машины и уйти, оставив своего извозчика без вознаграждения. Но поскольку деньги для нее не

имели никакой ценности, решила потешить свое самолюбие.

— Держи, — бросила она ему на колени толстую пачку купюр, общая сумма которых была не меньше десяти тысяч, — это тебе за простотой.

Таксист в недоумении посмотрел на Нику. Открыл рот, собираясь выразить свое изумление, восторг или другие вызванные этим событием эмоции, но она и не собиралась его слушать.

Когда Ника вышла из машины и направилась ко входу в ресторан, пожилой швейцар открыл ей дверь, приветливо улыбаясь.

“Весь мир соткан сплошь из фальши!” — подумала она, глядя на прогибающегося перед ней человека, — “Избитый всевозможными болезнями старик, за мизерную плату, целый день проводит на ногах, кланяясь надменным толстосумам, которые с барского плеча бросают ему унижительную милостыню. Понятно, чтобы не ощущать себя попрошайкой, эти подачки принято называть чаевыми. Но подсчитывая под

конец рабочего дня скудные барыши, он ничем не отличается от нищего, который скрупулезно отделяет бумажки от горсти монет.

Он улыбается всем и каждому кто входит и выходит из дверей, к которым он приставлен автопроводчиком. Он улыбается тем, кого яро ненавидит. Ненавидит за то, что их жизнь, по его мнению, предел мечтаний. И его существование становится еще более жалким, когда черная пожирающая изнутри зависть удушающим камнем ложиться ему на грудь.

Но он улыбается, потому что должен делать это.

Как люди испохабили то, что было призвано нести искренность. Первая улыбка младенца, выражающая неподдельное отношение к этому миру, излучает небесный свет. Но эти люди-роботы: швейцары, администраторы, бизнесмены и прочие, сознательно натягивают лицемерие, потому что — так надо. Потому что — это правило кем-то выдуманного “хорошего тона”. Потому что — это сулит лишние чаевые и этого требует хозяин ресторана. И как же это отвра-

тительно!”

Ника, с призрением глядя на “автодоводчик”, вошла внутрь практически пустого ресторана. Подбежавший к ней официант держал в руках меню, но она не стала его брать.

— Принеси двести грамм водки, апельсиновый сок и какой-нибудь мясной салат.

— Водку какую желаете?

— Самую дорогую.

Опытный гарсон не стал приставать к Нике с предложениями отведать их фирменное блюдо или испробовать вкуснейший десерт. Уловив настроение девушки, он тот час отправился выполнять заказ.

Посмотрев на немногочисленных посетителей, Ника зацепилась взглядом за сидящую в другом конце зала худощавую даму. Точней, ее внимание привлекло надетое на той платье. И так как разгулявшаяся колдунья решила ни в чем себе не отказывать, то и реализация намерения занять его не заставила долго ждать.

Когда женщина оставила своего спутника, с которым, судя по их взглядам, ее связывали

как минимум интимные отношения, и пошла в дамскую комнату, Ника проследовала за ней. Не позволив ей дойти до кабинки, не используя слов, она велела ей снять платье. И та, полностью подчиненная ее воле, медленно стала стягивать его с себя.

Ника тоже сняла свою верхнюю одежду.

Разглядывая, как на ней сидит черное, украшенное блестками платье, она обнаружила, что ее туфли не сочетаются с данным нарядом.

Женщина сняла туфли и, оставшись в одном нижнем белье, босиком удалилась в кабинку.

Бросив свои старые вещи и обувь в раковину, Ника протянула вперед руки: “Прощай, слабачка”, — сказала она, и в одно мгновение в раковине образовалась небольшая горстка пепла.

Открыв кран, она смотрела, как вода смывает остатки ее прошлой жизни.

Когда Ника вернулась за свой столик, ее уже ждал графин со спиртным и сок.

Никто из присутствующих в зале, за исклю-

чением официанта, обслуживающего одинокую красавицу, и мужчины, который ждал возвращения своей пассии, не обратил внимание на то, что девушка сменила гардероб.

Официант, поднося салат, вел себя сдержанно и старался не показывать удивления. Но доблестный кавалер, возможно, лично купивший это платье своей жене или любовнице, явно пытался сообразить, что произошло.

Ника, поднося к губам рюмку с водкой, увидела, как пристально смотрит на нее ошарашенный мужчина. И ощутив какой-то необычный, но понравившейся ей драйв от того, что она себе позволяет, выпивая рюмку водки, подмигнула ему.

Взволнованный ситуацией, тот поспешил к женскому туалету.

— Ева, ты там? — постучал он в дверь и, не услышав ответа, вернулся на место.

Наблюдая за его метаниями, Ника спокойно ела салат и осушала графин с водкой. Предугадав намерения этого паникера, собравшегося идти просить помощи у администрации, чтобы

те отправили одну из сотрудниц посмотреть, как там полуголая Ева “справляет свою нужду”, Ника уладила его одним только взглядом. Напоминая восковую фигуру, он замер на стуле, и его лицо тут же наполнилось безразличием.

“Как романтично”, — смеялась про себя лично опьяневшая злая фея: “Влюбленная пара — он за столом, она на унитазах, застыли в ожидании, когда рассеются таинственные чары”.

— Влюбленная пара, — повторила она вслух, и вдруг в ее груди стало как-то горячо.

Мысли о любви и о любимом стали тяжелым грузом давить на ее сердце. Настоящие чувства — любовь и нежность. Все то, что она до сих пор испытывала по отношению к Богдану, противоречило нынешней сути новой Ники.

Не давая себе углубиться в круговорот сантиментов, она встала и быстрым шагом направилась к выходу. Возникший на пути официант, после легкого взмаха ее руки, присоединился к созданной ею коллекции восковых фигур.

Выйдя в заранее открытую швейцаром дверь,

она посмотрела на переминающегося с ноги на ногу старика. Затем вдруг развернулась и пошла обратно.

Безошибочно определив, у кого из посетителей больше всего наличных, Ника взглядом подозвала его к себе. Следуя за ней, он вышел на улицу и, выполняя ее безмолвный приказ, достал из портмоне пачку долларов и гривен и отдал обалдевшему от счастья швейцару.

— Пойди, купи себе «Проктозан», — сказала она и, не задерживаясь в их компании, пошла вниз по улице.

Двое загипнотизированных, один — Никой, другой — кучей денег в своих руках, тоже поспешили расстаться. Первый вернулся в ресторан, а швейцар рванул подальше от него, но явно не в аптеку.

Солнце скрылось за горизонтом, и надвигающаяся на город ночь обещала стать последней для трех человек, совершивших роковое для себя преступление. Терзая тело слабой и беззащитной, по их мнению, девушки, они и на мгновение не задумались о том, что им жестоким образом придется заплатить за полученное удовольствие.

Нику переполняла ярость. Жажда мести вытесняла остатки хоть какой-нибудь жалости из ее сердца. словно акула, чувствующая кровь за километры, она стремительно приближалась к ничего неподозревающим жертвам.

Войдя в ночной клуб, в котором эти ничтожества были частыми посетителями, Ника сра-

зу заметила одного из них. Он стоял у барной стойки, что-то объясняя молоденькой официантке.

Не понадобилось много времени, чтобы обнаружить и двух его друзей, сидящих за большим столом, окруженным мягкими диванами.

Борясь с желанием подойти к ним, и подшквал самых грубых оскорблений просто лишиться их жизней, Ника заняла место за столиком в другом конце зала.

Она смотрела, как спокойно они пьют свое пиво и ведут себя абсолютно непринужденно, будто этот день ничем не отличался от всех остальных. Гнев переполнял ее разум, и мысль о том, что ни один из них не заслуживает легкой смерти, окончательно укоренилась в ее сознании.

“Нет, вы так легко не отделаетесь! Каждый из вас сполна прочувствует ужас и перед мучительной кончиной тысячу раз пожалеет о том, как хладнокровно калечил мою душу”.

“Ожидание смерти — хуже самой смерти!”

— подумала Ника, и идея расправиться с ними по очереди, давая время страху и панике разгуляться в голове следующей жертвы, сама собой определила условный сценарий мести.

В числе этих тварей не было того, кто бы заслуживал снисхождения с ее стороны. А посему последовательность, в которой они понесут наказание, Ника оставила на волю случая.

И первым, кому “выпала честь” искупить свою вину перед лицом разъяренной колдуньи, оказался тот самый инициативный насильник, сорвавший с нее полотенце, предлагая своим товарищам полакомиться случайной добычей.

Ника отправилась за ним, когда он вышел из клуба на улицу, чтобы сделать какой-то, по всей видимости, важный звонок.

— Хороший телефон! — подошла она к нему, — С камерой. Что очень кстати.

— Что? — посмотрел он на Нику, и рука, прижимавшая к уху мобильник, медленно поползла вниз.

— Что, мразь, не ожидал меня снова увидеть?!

Ника сжала кулак, и тот, схватив себя руками за горло, хрипя от удушения, рухнул перед ней на колени.

— Нет, здесь мы наш эпизод снимать не будем. Массовка нам ни к чему, — протянула девушка, — вставай скотина!

Напуганный происходящим, не имея возможности выдавить из себя ни звука, так будто его тянут невидимые веревки, он пошел вслед за Никой.

Обойдя здание ночного клуба, они оказались в окутанной полумраком подворотне, где стояли два мусорных контейнера.

— Ну что, подготовим тебя к речи раскаяния! — с лютой ненавистью произнесла Ника, и резко одернув руку, с силой ударила его о бетонную стену.

В момент обмякнув, в бессознательном состоянии горе-насилник повалился на землю.

— Просыпайся, мы только начали, — процедила она сквозь зубы.

Прогнувшись в спине от болезненных судорог, он вернулся к жизни, что однозначно для

него было худшим вариантом.

Кровь из рассеченной брови залила глаз. Лопнувшая от столкновения с твердой поверхностью стены, губа распухла, и три ребра разделили участь с ключицей, которая сломалась в двух местах.

Против своей воли искалеченное тело поднялось на ноги.

— Как быстро все может измениться, да? Еще утром ты был таким крутым, когда засовывал свой вонючий член в беззащитную девушку. А сейчас стоишь перед ней такой беспомощный и жалкий...! — говорила Ника, и с каждым словом ей становилось все сложнее сдерживать свою ярость. Она сознавала, что нет таких слов, которые могли бы выразить все ее раскаленные чувства.

Злость от того, что это “животное” никогда не поймет, какую нечеловеческую боль они ей причинили, вылилась в очередную серию увечий для бездушного ублюдка.

Страх. Дикий страх — это все, что она видела в глазах этого деградировавшего существа.

Но раскаяние уже было запланировано, поэтому запись прощальной речи Ника отменять не собиралась. Тем более что у этого мини-ролика была еще одна очень важная миссия.

— **В**аша знакомая просила передать, — протянул мобильный телефон коренастый парень безмятежно потягивающим пиво домушникам.

— Какая знакомая?

— Откуда я знаю. Девушка на улице дала мне мобильный, сказала, что это ваш, попросила передать.

— Это вроде как Седого телефон.

— Еще сказала, чтобы вы последнюю видеозапись посмотрели, — добавил молодой человек и удалился в компанию, с которой он здесь отдыхал.

— Фигня какая-та. Это точно телефон Седого.

— А сам он куда делся?

— Пошел позвонить какой-то бабе и пропал куда-то.

— Что за телка его мобильник передала? И откуда он у нее? — озадачились те.

— Ну че, давай посмотрим, что там за запись.

Открыв в телефоне папку с видео-файлами, они кликнули на просмотр последней записи. Крупным планом на весь дисплей окровавленная рожа Седого шевелила расквашенными в фарш губами. Из-за оглушающей музыки, игравшей в клубе, слов было не слышно, и возбужденные от увиденного они выбежали наружу.

— Давай сначала, — сказал один из них, и оба уставились в экран телефона, внимательно прислушиваясь к монологу своего пострадавшего друга.

— Нам не спастись. Никому не спастись, — молвил Седой, и в его глазах читался ужас и обреченность, — она убила меня и скоро придет за вами. От нее невозможно спрятаться. Мы плохо поступили и возмездия не избежать. Страшного возмездия. Сегодня утром мы под-

писали свой смертный приговор. Мы все умрем страшной смертью. Подтверждение тому вы сейчас смотрите и найдете в мусорном баке за этим клубом.

Камера захватила его в полный рост, и следующая картина повергла их в настоящий шок: седой стоял со спущенными штанами, в правой руке он держал кусок стекла, по форме напоминающий нож, а левой сжимал свои яйца и сморщенный член. Дрожащей рукой он приставил стекло к основанию члена и, затрясшись в диком напряжении, стал отрезать пошлый кусок своей плоти. Извиваясь и лихорадочно дергаясь от адской боли, кастрат-самоучка упал на колени. Ему бы орать как резанному, но стиснув зубы, он только ревел и мычал, как бык на скотобойне. При помощи чуда, в прямом смысле этого слова, ему удавалось не терять сознания от болевого шока. Доведя эту хирургическую манипуляцию до конца, со взглядом взбесившейся собаки Седой запихнул отрезанные половые органы себе в рот.

Запись закончилась, и друзья пожирателя

своих гениталий стояли с выпученными глазами, оторопев от просмотра этого реалити-шоу.

— Черт, Леший, что это было?! — не по-де-

тски испугался более молодой и возможно следующий на очереди в “ад” насильник.

— Тихо! — старался не поддаваться панике его так же напуганный поделщик, — давай за мной, — рванули они за здание.

Увидеть во отчую своего окровавленного друга было эффектным дополнением к шокирующему видеофильму.

Бездыханное изуродованное тело Седого, скрученное в три погибели, покоилось в одном из контейнеров на половину заполненном смердящими помоями.

— Леший, кто его так? — жалобно завопил молодой.

— А ты что, не видел?! Он сам себя! — раздраженно ответил тот, мечась из стороны в сторону возле мусорных быков.

— “Она убила меня и скоро придет за вами”, — едва не срываясь на истерику, повторил он отрывок из предсмертного послания Седого, — кто — “она”? Кто — “она”, Леший? Что происходит?!

— Ты что, такой тупой?! — заорал Леший, — это та сука, которую мы сегодня оттрахали!

— Да. Он сказал: “Сегодня утром мы подписали свой смертный приговор”. Но как она нас нашла? Кто ей помогает? Надо звонить ментам!

— Каким ментам, придурок?! Что мы им скажем?

— Мы покажем запись...

— На которой Седой сам себе отрезает яйца?! У тебя совсем мозгов нет! — сорвался Леший, — может, мы им еще поведаем, что утром выставили хату, в которой попутно телку изнасиловали, и она теперь мстит?!

Леший схватил его за шиворот и подтащил к

баку, в котором лежал Седой.

— Смотри! Смотри, что эти твари с ним сделали! Думаешь, тебя мусора смогут защитить?! За ней кто-то реальный стоит, раз она нас так быстро вычислила.

От жуткого зрелища и резкого запаха крови молодого вырвало.

— Надо залечь на дно, если мы не хотим закончить так же как Седой, — постановил Леший, — давай сваливать. Нам здесь лучше не светиться.

Оглядываясь по сторонам они поспешили убраться подальше от того места, где совсем недавно состоялась жестокая казнь их товарища.

Этой ночью Ника решила не возвращаться домой. Она остановилась в одной из самых дорогих гостиниц города, где ей сразу предложили шикарный номер.

Проснувшись утром, она погрузилась в горячую ванну, прихватив с собой бутылку настоящего французского шампанского.

Ника делала все, чтобы порадовать свою душу и тело, словно извиняясь перед ними за то, что однажды позволила причинить им боль и страдания.

Потом позавтракав в гостиничном ресторане, ей неожиданно пришла в голову идея навестить в институт. Она больше не испытывала жалости к старой деве Жане Борисовне и к

прочим своим “доброжелателям”, и ее распира-
ло желание их унижить.

Оживляя в памяти те моменты, когда они проявляли по отношению к ней юродство, Ника подошла к аудитории, возле которой стояли девушки и парни из ее группы.

— Ой, Ника, ты сменила прическу, — с плохо завуалированной насмешкой сказала одна из одноклассниц, — тебе идет.

— Нет, правда, ты так экстравагантно стала выглядеть, — подхватила вторая, стремясь подчеркнуть свое остроумие.

Четыре подруги, которые всегда отличались примитивным ехидством и ярко ненавидели Нику, привыкли к тому, что она никогда не отвечает на их язвительность. Они смотрели на нее и уже предвкушали то, с каким азартом будут обсуждать ее новый имидж. Их лица расплылись в туповатых улыбках, и Ника с наслаждением испортила им и настроение, и репутацию.

— Экстравагантно, говорите, — сухо сказала она, — смотрите не обоссываетесь от восторга, — и тут же все четверо обмочились.

В полной растерянности они смотрели друг на друга, не решаясь сдвинуться с места. И только после того как на них обрушились многочисленные взгляды студентов и разразился смех, девицы ускакали в уборную, оставив четыре лужи на том месте, где стояли секундой раньше.

Довольная собой, Ника собиралась идти дальше с раздачей накопившихся долгов, но услышав за спиной голос Богдана, сразу забыла о своих планах.

— А я, вообще-то, волновался, — произнес он, — ты второй день не берешь трубку. Я заезжал к тебе домой, но никто не открыл дверь. Ольга сказала, что не знает где ты, но разговаривала как-то странно. Я переживал, что что-то случилось.

Ника боялась этой встречи. Ей стыдно было смотреть ему в глаза, хоть она и понимала, что он даже не подозревает о том, что с ней произошло.

Резко и кардинально она изменила свое отношение ко многим вещам. Ее внутренний мир заполнила совершенно новая, фатальная, сущ-

ность. Ника теперь делала то, о чем раньше не могла даже помыслить. Но вычеркнуть Богдана из своего, пускай даже каменеющего сердца, она была не в силах.

Он был последней ниточкой, связывающей Нику с угасающим добром, хранящимся в маленьком уголке ее души. Думая о нем, она не могла не испытывать смятение, так как ее любовь вставала преградой на пути безжалостной жестокой мстительницы, в которую она превратилась.

— Знаешь, я решила отказаться от мобильного телефона. Говорят, радиоволны могут привести к раку мозга, — не зная, что ответить своему все еще любимому человеку, плоско пошутила Ника.

— Да, смешно, — и не думая улыбаться, прокомментировал Богдан ее неуместный в данной ситуации юмор, — Извини, но я люблю тебя! Ты — мой родной человек, и я не мог не волноваться. Мне трудно понять, что происходит, но уверен — нет ничего, что мы не могли бы преодолеть вместе.

После этих слов Нику начали душить слезы. Ей хотелось броситься ему на шею, разреветься на его мужественной груди и рассказать обо всем, что с ней случилось за эти кошмарные сутки. Но нелепый страх, что он изменит свое к ней отношение, как только узнает все ошеломляющие подробности, сдерживал ее душевный порыв.

— Любовь моя, поехали домой? — сказал он мучительно нежным для нее голосом, видя как слезы ручьями полились из ее наполненных дикой печалью глаз.

— Нет, — резко, но не грубо ответила Ника, — ты сейчас, пожалуйста, уходи. Ладно? Я сама тебе позвоню.

— Ника, я...,

— Ничего не говори и ни о чем не спрашивай, — умоляла она сквозь сдержанный плач, — сейчас я не могу..., позже. Я позвоню тебе позже. Хорошо?

Богдан стал переживать еще сильнее, ведь такое поведение его девушки подтверждало, что с ней действительно произошло что-то ужасное.

Он хотел обнять ее и хоть как-то успокоить, но увернувшись от его рук, Ника выбежала из института.

Труп Седого обнаружил бармен, ко-

торый после закрытия клуба выносил мусор. Позвонив в милицию, он с досадой думал о том, что теперь его и всю смену, работавшую этой ночью, замучают вопросами.

Развернувшаяся перед глазами стражей порядка картина даже их “порадовала” своей новизной. Они чуть ли ни каждый день сталкиваются с убийствами и суицидами, и чаще всего мотив бывает банален. Но здесь, из-за красочной росписи пострадавшего с пикантным дополнением во рту, количество версий существенно возрастало.

Собрав всю возможную информацию об убитом, правоохранители, наконец, отпустили

уоставших работников ночного клуба.

В морге судмедэксперт, сделав вскрытие трупа, установил время и причину смерти.

— Смерть пострадавшего наступила около одиннадцати часов ночи, — комментировал он для следователя, заносящего всю эту информацию в протокол, — и самое интересное, Андрюша, что умер он не от многочисленных увечий и не от того, что ему оттяпали половой орган. Причиной смерти послужило удушение. Проще говоря, он подавился собственным членом.

— Ты хочешь сказать, ему что, его причиндалы засунули в рот, когда он был еще жив? — удивился следователь.

— Да, именно это я и говорю, — спокойно подтвердил патологоанатом, — хотя, действительно, странно, как он не врезал дуба от левого шока. Тем более что, судя по всему, ампутация производилась вот этим стеклышком, которое было крепко зажато у него в руке.

— Ты что, думаешь, он сам себе это...?

— Нет... Вряд ли... Скорей всего, ему вложили в руку уже после.

— А может, он какой-нибудь наркоты объелся? Я слышал, так бывает. Обожрется или обнюхается человек всякой дряни, а потом кожу с себя с живого снимает. И при этом ни хрена не чувствует, — сделал предположение следователь Андрюша, и сам увлекся изложением такой версии.

— Сейчас я на этот счет ничего сказать не могу. Завтра, когда будут готовы все анализы, мы и узнаем, чего он там обожрался.

В какой-то мере Седому повезло — он хотя бы уже отмучился. И если придерживаться теории материализма, то после смерти его не варят в кипящей лаве и не садят голой задницей на раскаленную сковородку где-нибудь в аду, а просто земная жизнь закончилась для его деформированного напоследок организма.

Что же касалось его приговоренных друзей, то им еще предстояло попасть в пекло. Точней, дойти до его самого жаркого места. Одной ногой они уже были там, развивая в своем воображении варианты того, что с ними сделают,

если их найдут вступившиеся за эту загадочную
девушку живоде́ры.

После встречи с Богданом Ника оказалась посреди поля боя, на котором два заклятых врага — добро и зло, сошлись в извечном противостоянии. Ее душа, которая, казалось, была уже полностью поглощена тьмой, содрогнулась. Все то, что представлялось ей единственно правильным, вдруг предстало в свете ужасающего заблуждения. Она убила человека и тому, с какой жестокостью сделала это, могли бы позавидовать даже самые авторитетные маньяки.

Мечь, которая должна была принести удовлетворение, обернулась очередным кошмаром, когда она увидела, в какое чудовище это ее превращает.

Думая все время о Нике, Богдан терялся в догадках, что же могло случиться, что так внезапно и до неузнаваемости изменило ее. Его удивляло поведение девушки, которую, как ему казалось, он хорошо знал.

Возвращаясь к себе домой, у подъезда он услышал как его окликнул чей-то женский голос.

Обернувшись, он увидел женщину уважаемого возраста.

— Меня зовут Вера Григорьевна. Я бабушка Ники, — подошла она к нему, — мне необходимо с тобой поговорить. Это очень важно.

Богдан обрадовался тому, что с ее появлением ситуация может проясниться. Но наполненные тревогой глаза Веры Григорьевны говорили

о том, что разговор предстоит действительно серьезный.

— Да, конечно. Давайте поднимемся ко мне в квартиру, — любезно предложил он.

Поднимаясь на лифте, они напряженно молчали.

— Мне Ника много о Вас рассказывала, — не выдержал Богдан нависшей над ними атмосферы сгущающихся туч, — и всегда отзывалась очень лестно.

— Мне о тебе тоже. И поэтому я здесь, — серьезно произнесла бабушка Ники.

Войдя в квартиру, Вера Григорьевна не стала затягивать с вступлением.

— Ника — необычная девушка, — начала она говорить, разместившись в кресле в большой комнате.

— Я бы сказал, необыкновенная, — поправил Богдан, — но я это знаю и именно за это ее и люблю.

— Ника обладает сверхъестественными способностями. Ее сила практически безгранична. А сейчас так случилось, что эта сила может

быть направлена против других людей, — не реагируя на его высказывание, продолжила Вера Григорьевна, — прости, что я сообщаю тебе об этом вот так — просто, но обстоятельства вынуждают меня к этому.

Богдан изменился в лице. Его разочарование вылилось в соответствующую гримасу. Он явно не ожидал услышать подобный бред. Тем более что на первый взгляд женщина выглядела вполне вменяемой.

— Я понимаю, сейчас ты мне не веришь, но...

— Нет, почему же?! Вы не сказали ничего такого, что могло бы вызвать у меня сомнения, — с сарказмом перебил он.

— Богдан, послушай....

— А есть ли смысл?! Я надеялся, Вы мне скажете, что происходит с вашей внучкой, почему она вдруг так изменилась и как я могу ей помочь. А в место этого слышу байку о мистических способностях своей девушки, которую, между прочим, знаю уже не первый день!

После эмоционального всплеска Богдана

Вера Григорьевна выдержала небольшую паузу, чтобы дать ему немного успокоиться.

— Ты мог бы принести мне стакан воды? — спокойным голосом, сбивая волну его возмущения, попросила Вера Григорьевна.

Все еще возбужденный от сложившегося разговора, Богдан молча встал с дивана и хотел было удовлетворить просьбу своей гостьи, но почувствовал, что его ноги прикованы к полу и он не может сдвинуться с места. Приложив максимум усилий, он попробовал сделать хотя бы шаг, но попытка не увенчалась успехом. Подергиваясь, словно муха, угодившая в паутину, он пытался понять, что с ним происходит.

— Это то, что ты называешь мистическими байками, — пояснила мудрая женщина, глядя на его растерянный вид.

— Хотите сказать, это Вы?... Но как?...

— Присядь, пожалуйста.

Богдан медленно опустился обратно на диван. По очереди приподняв одну, затем другую ноги, он убедился, что вновь полностью владеет своим телом. Он был сильно впечатлен, как он

думал, силой гипноза, но следующий акт представления, которое устроила для него Вера Григорьевна, просто расплавил его разум.

Оторвавшись от пола вместе с креслом, он завис в воздухе, касаясь потолка кончиками вздыбленных на его голове волос. Практически потеряв дар речи, выкатив глаза так, что, казалось, они выпадут из глазниц, Богдан вцепился в подлокотники.

После не очень длительного полета Вера Григорьевна вернула предмет мебели, на котором застыл ошарашенный парень обратно на пол. Богдан начал хватать воздух ртом, пытаясь что-то сказать, но ничего связанного воспроизвести ему не удалось.

— Прошу тебя, успокойся и попробуй не поддаваться эмоциям.

— Не поддаваться эмоциям?! Пожалуй, это будет не так просто! — все еще не мог он до конца осмыслить происходящее.

— Мне очень жаль, что приходится рушить твои убеждения относительно порядка вещей в этом мире. Но как я уже сказала, сложившиеся

обстоятельства требуют от меня этого. Я должна тебе показать, что вселенная строится не на одном только законе всемирного тяготения.

— С Вашего позволения, я все же принесу воды. Для себя! — взял таймаут, для своих взбудораженных мозгов, Богдан.

Гостеприимный хозяин принес два стакана и полный графин с водой. Наполнив оба, он уселся поудобней и теперь, относясь со всей серьезностью к Вере Григорьевне, приготовился ее внимательно слушать.

— Как ты понимаешь, я пришла не за тем, чтобы удивлять тебя волшебством. Эта демонстрация нужна была только для того, чтобы ты убедился в реалистичности того, о чем я рассказываю, и понял, с чем тебе предстоит иметь дело.

— Что значит “предстоит иметь дело”?

— Ника с рождения наделена такой силой, обратившись к которой она может как исцелять, так и уничтожать.

В памяти Богдана внезапно всплыла картина того, как безмолвная Ника склонившись над

случайным пьяницей сжимает в руках воткну-
тый в его живот нож.

— Именно об этом я и говорю, — произнесла Вера Григорьевна, и Богдан ошарашено поднял на нее глаза.

— Раньше я была уверена, что свой дар она никогда не будет использовать во вред другим людям. Но случилось непоправимое, и зло сумело проникнуть в ее душу. Теперь из-за внутреннего противостояния Ника безумно страдает. То, кем и как она сейчас себя ощущает, не соответствует ее природе. Я боюсь даже думать о том, чем это может для нее обернуться.

— Но почему Вы пришли ко мне? Насколько я знаю, Ника всегда относилась к Вам с большим уважением и прислушивается к Вашему мнению. Кто как не Вы может ей помочь в данной ситуации. Тем более, вряд ли кто-нибудь лучше Вас разбирается в происходящем.

— На этот раз она не станет меня слушать. В том, что с ней сейчас происходит, отчасти есть и моя вина. Я все время стремилась к тому, чтобы насаждать добро в ее душе, и поэтому

Ника оказалась беззащитной перед лицом зла. Я уделяла слишком много внимания одной стороне мироздания, и теперь ей приходится расплачиваться за мои ошибки. Она не будет со мной разговаривать. И достаточно того, что я просто это знаю.

— У нас с ней разговор тоже не сложился. Она расплакалась, когда меня увидела, и убежала.

— Слезы это хорошо. Значит, борьба продолжается. И помочь ей выиграть решающую битву можешь только ты. Любовь, которую она к тебе испытывает, это единственное, что сможет ее спасти.

— Я люблю Нику и готов не задумываясь отдать за нее жизнь. Но мне трудно даже на половину осознать все это! Я в полной растерянности! Что я должен делать?

— Осознание — это понятие всегда относительное. Слушай свое сердце. Оно, в отличие от противоречивого разума, способно указать верный путь.

Все еще пребывая в какой-то прострации,

Богдан собрался идти к Нике.

— Дома ты ее не найдешь! — прочла его мысли Вера Григорьевна.

Он остановился.

— Я помогу тебе. Я покажу, где ее найти, — продолжила бабушка Ники, — Нет большей силы во вселенной, чем любовь. Это главное оружие, и оно у тебя есть. Не забывай об этом ни на секунду!

Перед тем, как войти в ювелирный магазин, Ника уничтожила камеры видеонаблюдения и усыпила двух охранников, до этого бдительно несущих свою службу.

Женщина, стоящая за красивыми стеклянными витринами, впав в гипнотический транс, стала сгребать золотые украшения в полиэтиленовый пакет, который ей дала вошедшая девушка. Набив его доверху цепочками, кольцами и прочими побрякушками из драгоценных металлов, продавец протянула тяжелый пакет Нике, и та спокойно удалилась.

Бесконечные метания между двумя крайностями сводили ее с ума, и Ника твердо решила положить конец этому безумию. Она больше

не могла отождествлять себя ни с доброй, ни со злой. Ей опостытели оба мира, где нет истины, а лишь бессмысленная борьба со своей противоположностью.

Она не могла вернуться к прошлой жизни. Та реальность просто перестала существовать. А строить новую, навсегда оставаясь хладнокровной убийцей, она не хотела.

Прежде чем покончить с собой, черно-белая колдунья собиралась довести до конца начатое — отомстить за свою смерть. Ника не желала оставаться жертвой и, думая о том, что привело насильников в ее квартиру, решила накормить их досыта тем, чему они так радовались.

Как говорится, надежда умирает последней. И в соответствии с этой пословицей, два пока еще живых человека, надеясь избежать жестокой расправы, решили спрятаться в заброшенном доме давно вымершей деревни.

Это была гениальная идея Лешего. Три года назад ему уже удавалось скрыться здесь от длинной руки закона. Он был уверен, что никому не известно о том, где они. Считая себя очень расчетливым, грабитель со стажем даже своему товарищу по несчастью не сказал, куда они направляются.

Молодой же не был уверен ни в чем и трясся от каждого подозрительного шороха. Жуткая картина зверски убитого друга постоянно стоя-

ла у него перед глазами. Когда-то этот начинающий бандит, чтобы казаться круче приобрел себе пистолет, который практически никогда не носил с собой. Теперь он с ним не расставался.

Тлухомань, в которой
затаились потенци-

альные жертвы, находилась в сорока километрах от города. Но Ника туда поехала не на такси. В этот раз “арендовав” приглянувшийся ей джип она сама села за руль.

У молодого сердце ушло в пятки, когда он услышал рев мотора приближающегося к их дому автомобиля. Он выглянул в окно, и его лицо застыло в диком испуге. Из-за тонированных стекол нельзя было разглядеть сколько человек находится в машине. И больное воображение этого труса продиктовало ему как минимум пять вооруженных до зубов верзил.

— Леший! Они нас нашли! — влетел молодой в соседнюю комнату, где на старой железной

кровати спал его подельник, — Как, Леший?! Как они нас вычислили?! Ты же говорил, что никто не знает про это место!

Тот подбежал к окну и краем глаза выглянул наружу.

— Дай ствол, — приказал он, глядя на уstraшающую морду большого черного джипа.

— Нет! — крепко сжал в своих руках пистолет молодой, — это моя пушка!

— Идиот, ты же стрелять не умеешь! Давай сюда говорю!

После секунды замешательства молодой все же отдал девятимиллиметровый пистолет “Макарова” матерому рецидивисту.

Передернув затвор, Леший присел у окна, украдкой наблюдая за тем, кто выйдет из машины.

Дверь открылась со стороны водителя, и Ника неспешно ступила на потрескавшуюся от долгой засухи землю. Уверенно и беспристрастно, будто палач, поднимающийся на плаху, чтобы исполнить приговор, она пошла к дому, в котором задыхались от страха двое пригово-

ренных. Только вместо топора в руках у нее был полный пакет золота.

— Это она! Я узнал ее, это та баба! — занервничал молодой, — вали ее, Леший!

— Успокойся! Стой здесь, следи за машиной. Свисни мне, если еще кто-то появится, — сказал тот, уходя в коридор.

Ника вошла внутрь дома и сразу встретилась с наставленным на нее в упор дулом пистолета.

— Стоять! — прохрипел Леший.

Глядя ему в глаза, Ника молча протянула вперед руку. Неудавшийся киллер отдал ей пистолет, и затем, словно после мощнейшего удара, влетел в комнату. Молодой, наблюдавший за тем, как тело его старшего товарища с грохотом повалилось на пол, сильно прижался к стене.

— Ну что, ублюдки, кто хочет первым утолить свою алчность?! — высыпала Ника на грязный деревянный стол все содержимое из пакета.

С разницей не более десяти минут к дому, в котором Ника раздавала последние долги, подъехал Богдан. Бросив свою машину рядом с небрежно припаркованным джипом, он поспешил к месту экзекуции, которую проводила его девушка.

Когда Богдан вошел в комнату, то сразу заметил двух типов, стоящих на коленях перед горкой ювелирных изделий. Он видел, как у одного из них текла изо рта кровь и, судя по его виду, жить ему оставалось совсем не долго. Но готовый ко всему, он думал только об одном — как помочь той, кого любил больше жизни, и всеми силами игнорировал шокирующие детали обстановки.

— Привет, любимый, — иронично произнесла Ника, — можешь ничего не объяснять, я знаю как ты меня нашел. Не думала, что бабуля решиться на такое. И раз уж ты все знаешь, прости, что скрывала от тебя правду. Я просто боялась, что ты не захочешь жить с ведьмой.

— Зря боялась. К тому же, я не считаю тебя ведьмой. Ты — моя самая любимая добрая фея.

— Добрая? — ухмыльнулась Ника, — они вряд ли так считают, — указала она на двух приговоренных.

— Я говорю о нас. И мне совершенно наплевать на всех остальных! Для меня ты всегда останешься доброй, нежной и неповторимой.

— Нет! Той Ники больше не существует! — закричала она, — Эти сволочи убили ее. Они украли наше счастье. И теперь должны заплатить за то, что разрушили нашу любовь.

Ника посмотрела на Лешего, который уже запихнул в себя далеко не один грамм золота, и тот, хватая со стола украшения, раздирая себе горло, продолжил глотать их.

— Никто не в силах разрушить нашу любовь,

— твердо сказал Богдан, — настоящая любовь не создается и не исчезает. Она просто есть! И, не смотря ни на что, хранится вечно в душе любящего человека.

Ника заплакала. Любовь и счастье представлялись для нее практически растворившейся иллюзией, и ей было больно слышать это.

— Они изнасиловали меня, — сквозь слезы тихо сказала Ника.

Сердце Богдана сжалось, и, крепко стиснув зубы, он старался не потерять самообладание. Естественно, он начинал догадываться, но до последнего момента, пока не услышал тому подтверждение, гнал подальше от себя подобные мысли.

Он разделил с Никой ненависть к этим подонкам.

— Посмотри, во что они меня превратили. Я больше не могу выносить того, что они сделали со мной, и я не смогу жить после того, что сделала с ними, — с жуткой болью в глазах смотрела она на своего любимого человека, — Я — чудовище и должна умереть!

Богдан хотел было сказать логичные для данной ситуации слова утешения из разряда “все будет хорошо” или “вместе мы справимся”, но какое-то шестое чувство его остановило. Он осознал бессмысленность мнимого самоконтроля и, начав прислушиваться к своему сердцу, перестал быть рабом слепого разума.

— Ты ни в чем не виновата и не должна казнить себя за то, что заложено в природе каждого человека. Добро и зло — это неразделимые половины одного целого. И суть лишь в том, когда одному или другому суждено проявиться, — сказал Богдан.

— Ты говоришь о добре и зле, но тебе не понять какво это — быть убийцей. Я недостойна тебя. И не заслуживаю того, чтобы жить, — ответила Ника.

— Одна из самых фатальных ошибок человечества — попытка разделить мир на белый и черный, — тихо, как бы для себя, произнес Богдан, — Я люблю тебя. Ты моя душа, и не будет никакого смысла в моем существовании, если тебя не станет! — Богдан подошел к столу

и взял лежащий на нем пистолет, — теперь мы будем достойны друг друга.

Он направил оружие на подыхающего Лешего и сделал три выстрела ему в грудь. Затем перевел пистолет на дрожащего от ужаса молодого. И тот, захлебнувшись в истерике, бросился к ногам Богдана, умоляя его не убивать. Но отшвырнув от себя жалкую пародию на человека, непоколебимый палач выпустил в него все пули, остававшиеся в магазине пистолета.

Эпилог

*Чувством вины себя мы отравили,
Несовершенство жалит нас сильней осы,
Мы глупостью себя поработили,
Добро и зло взваливши на весы.*

*Но кто возьмется суд чинить верховный?
Среди людей найдется ли такой?
Ведь человек, рожденный в этом мире,
По сути, и не добрый, и не злой!*

Оскар Рай

Другие книги автора

Лабиринты сознания

Психологический роман

Знакомо ли Вам чувство, когда кажется, что жизнь перестала Вас удивлять, и будничные дни, как братья близнецы, уже не приносят особой радости?

Книга “Лабиринты сознания” вовлекает Вас в тот мир, где Вы сможете научиться видеть гораздо больше прекрасного вокруг и ценить то, что у Вас уже есть.

Захватывающая история, которая вдохновляет на то, чтобы ценить свою жизнь, сознавая суть необусловленного ничем счастья.

Серия “Психология успеха”

Останови свои мысли. 9 основных принципов счастья.

Порой бывает сложно найти различие между тем, чего Вы действительно хотите, и тем, что является вбитым в ваше сознание как что-то безоговорочно всеми желаемое. Но делая шаги на пути самопознания, с каждым разом становится легче увидеть, а точнее ощутить, что на самом деле важно именно для Вас.

Душевное умиротворение и внутренний комфорт зависят не от перегружающих разум знаний, но от знания **НЕОБХОДИМОГО**.

Возбуди свою удачу. 7 правил настоящего успеха.

Что такое удача? Почему все люди хотят, чтобы она сопутствовала им?

Ответ очень прост — **УДАЧА ДАЕТ ВСЕ!** Практически любая сфера жизни: богатство, любовь, самореализация и часто даже здоровье зависят именно от удачи.

Но не удача выбирает, кого порадовать своим появлением, а сам человек решает — позволить ей стать редкой гостьей в его заурядной жизни или же самому **“ВОЗБУДИТЬ”** свою **УДАЧУ**.

Получи свои деньги. 3 закона достижения богатства.

Эта книга – бесценный подарок для тех, кто хочет не только улучшить свое финансовое положение, но и стать реально богатым.

Самые дорогие машины, роскошные особняки и жизнь в полном изобилии – не удел избранных. Иметь все это можешь и ты. Главное не бояться поднимать планку, которую в состоянии взять каждый, кто ведает ЗНАНИЕМ.